

18+

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Закниженная пустошь

Мария Фомальгаут
Закниженная пустошь

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Закниженная пустошь / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988579-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вы знаете, на каких деревьях растут буквы? А как лечить заболевшие сны? А как сфотографировать замок, который построят только через тысячу лет? А как получить свою личную луну вне очереди? А как без проблем выгулять настольную лампу? А зачем странный господин собирает у себя дома молодых неудачников и помогает им выбиться в люди? А как стать городом? А что делать, если в гороскопе у человека нет луны, зато солнца целых три?... Вот и я не знаю...

ISBN 978-5-44-988579-1

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Память времени	6
Что вы увидите	10
Осень, которая не осень	12
Дом Бетти	13
Персональная луна	15
Закниженная равнина	16
Фрагменты фильма	19
Дворец Полносолнция	21
Абазуть	25
Почему Китай...	28
Погожий денек	30
Цена мертвого города	32
Пророчества мертвой луны	34
Напишите о себе...	37
Стать городом	39
Завтра не будет	42
Охота зайца	44
Новости дня	46
Ковенфильд	55
Что такое звезды	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Закниженная пустошь

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2020

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-8579-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Память времени

Эх-эх-эх...

Или ох-ох-ох...

Или ух-ух-ух...

Хотя нет, ух-ух-ух, это уже не Федот, это уже сова какая-то получится...

А Федот...

А Федот уже не тот.

Да как ему быть тем, вы скажите, как ему быть тем, это ж сколько лет прошло, это ж сколько... уже и не помнит Федот, тогда еще на печках пахали и дровами лошадей топили, или... или наоборот... когда Федот был, а сейчас-то все переменялось, и еле тричество это, и еле визеры, и срам-фоны, и говорят, вышки там какие-то стоят, на которых пять Жэ, чего за Жэ такое, Федот даже думать не хочет...

Эх-эх-эх...

Мир уже не тот...

И Федот уже не тот.

На пятке у Федота заплатка, и бока поистерлись. Так-то Федот давно бы рассыпался в прах, истлел бы дочиста, если бы не...

Если бы...

Ч-ш-ш, про то никому ни слова...

Утром Федот за дровишками сходит, печку растопит, чтобы изба не отсырела, и чтобы самому не отсыреть, – хозяйева на зиму в город уехали, можно и с чердака спуститься, теперь весь дом федотов до весны.

Последние листья облетают.

Федот поминает брата, был у него раньше брат, то ли правый, то ли левый, кто их там разберет, в роду у Федота правых-левых не бывает. А как помянуть, Федот сколько живет, столько не знает, людям вроде чарку водки с кусочком хлебушка на окно ставят, а братец Федота не человек же был все-таки...

Вечереет.

Федот волнуется.

Сегодня вечером придет То.

То.

Если бы не То, Федота бы уже и не было вовсе. Хорошо, повезло Федоту, понравился То Федот, вот и живет Федот уже века и века...

То свою работу знает.

Хорошо знает.

И остальные все – несть им числа – с завистью смотрят на То, где им угнаться за То, вон как у То все ловко получается.

Вспыхивает пустота, взрывается мириадами искр.

Искры летят, складываются в частицы, загораются звезды, остывают планеты, кто-то подкарауливает кого-то в лесной чаще, вонзает клыки в зазевавшуюся жертву; куда-то несутся колесницы; экипаж подъезжает к замку осенней ночью, качается одинокий фонарь на ветру, кто-то стучит в ворота; – То удивительно ловко ведет мириады событий, не отступаясь ни на шаг.

То свою работу знает.

Еще как знает.

Ни у кого не получится так быстро и так сложно, как у То, ну да, на то То и То, это ж сколько учиться надо, чтобы стать, как То...

...что-то случается, сбивается отлаженный бешеный ритм, То оступается, путается, – экипаж одновременно подъезжает к воротам, и падает с моста; таинственный незнакомец, вечером выпавший из окна отеля, наутро снова заходит в холл и просит номер с видом на полнолуние.

Все замирают.

Не понимают, не верят себе, как То, почему То, быть не может, чтобы То, не-ет, кто угодно – но не То...

А вот – То.

То еще пытается что-то исправить, – медленно, плавно, уже понимает, что быстро не получится – нет, снова путаются события, времена, даты, все того и гляди полетит кувырком...

Все перешептываются, ну что вы, ну а как вы хотели, где это видано, так гнать, так пахать, это ж никто не выдержит, а мы ему говорили... Ну а что ты хочешь, То, отдыхать тебе надо, То, не век же пахать...

То отступает.

Думает.

Почему я не могу вспомнить, как надо делать, думает То, почему, почему...

Эх-эх-эх...

Федот смотрит на То, что-то случилось с То, только То не скажет, что с ним случилось, отмахнется лениво, Федот все равно не поймет, где Федоту понять такие вещи сложные, как время, Федот разве что так понимает, что вот было вчера, а теперь сегодня, а потом завтра будет, или вот еще, было лето, а теперь осень, а там и зима, а наоборот не бывает, хотя теперь все бывает, вон, прошлая зима вообще без снега выдалась, вон оно как...

Что-то случилось, говорит То.

Что-то случилось.

Почему я не помню, говорит То.

Почему я не помню.

Помнил же, говорит То, помнил же, как ваять события, переплетать из между собой, а теперь как заклинило.

Так говорит То.

Сидят в теплом доме, пьют чай у печки. С вареньем из прошлогодних воспоминаний.

А что помнишь, спрашивает Федот.

То настораживается, задумывается.

А вот.

Глаз, говорит То.

Какой глаз?

Вот такой, говорит То, рисует глаз.

И еще сокол, говорит То.

И сокола рисует.

И еще круг и точка в нем, говорит То.

И рисует.

Так это солнце, говорит Федот.

То настораживается: ты что, знаешь?

Знаю, говорит Федот. Так раньше в Египте солнце рисовали. И сокола, и глаз раньше так рисовали.

Федот гордится, уж чего-чего, это Федот знает, зря, что ли, Федот книжки читает, где это видано, чтобы валенок книжки читал, а вот видано...

Ты мне поможешь, говорит То.

Поможешь.

Да как же так, теряется Федот, да как же я, да где же мне, да я же...

...ты знаешь, говорит То. Ты помнишь, говорит То. А я не помню, со мной что-то сделали, и я не помню.

То что-то делает – непонятное что-то, переносится куда-то вперед, вперед, бесконечно вперед, где причудливые многомерные пространства, и порталы, ведет Федота в портал, выходят где-то бесконечно далеко отсюда, – То снова возвращается назад, в тот день и в тот час, когда они с Федотом пили чай в теплом доме.

Ступай, говорит То.

Найди, говорит То.

...приглашаем вас на экскурсию по местным достопримечательностям...

Федот недоверчиво смотрит на гидов, как бы не обманули, как бы не обвели вокруг пальца, а то знает их Федот, коварные они, местные-то. Но этот, вроде, нормальный, ведет Федота среди камней, косится на Федота недоверчиво, все-таки первый раз такое, чтобы валежник в Египет приехал, и на пирамиды смотреть пошел.

Федот смотрит.

Видит.

Вспоминает.

Вот они, и глаз, и птица сокол, и солнце, которое кружок, а в нем точка.

Обломок камня.

Обломок того, что когда-то было камнем...

Камень, говорит Федот.

Камень.

Вот камень, вернее, то, что осталось от камня, это на нем написано было, про сокола, и про солнце, и про все, что там То виделось. Это камень что-то такое сделал, что То ничего не помнит...

Камень, говорит То, а ведь верно, камень, какой коварный камень, это он мстит мне, вот что я тебе скажу – мстит, что я не пощадил его, разрушил за века и века, – ну а что я могу сделать, работа у меня такая, все течет, все меняется, что-то появляется, что-то рассыпается в прах... кто-то понимает, а кто-то и нет, и мстит вот так...

Давай, говорит То Федоту, ищи, когда этот камень был, когда еще не рассыпался в прах, уж я с этим камнем разберусь...

Федот ищет.

Зря, что ли, Федот книжки читает, зря, что ли, ходит по музеям, спрашивает, что, где, когда...

То отступает назад, назад, назад, в бесконечно далекое назад, когда еще был камень, когда еще стоял под палящим солнцем, окруженный почестями, когда еще чьи-то мудрые руки выводили на нем письмена...

Что же ты делаешь, говорит То, что же ты делаешь, неужели ты не понимаешь, говорит То, что нельзя так, нельзя, и не со зла я заставил тебя рассыпаться в прах, не со зла, и нечего мстить, кому ты этим лучше сделаешь...

Глупое время, говорит камень.

Глупое, глупое время.

Что ты наделало, говорит камень.

Что ты, что ты наделало.

Вот ты ничего не помнишь, говорит камень, а как ты можешь помнить, говорит камень, если твоя память была записана на мне, а меня не будет, и памяти твоей не будет, как ты не понимаешь?

То не понимает, То отчаянно пытается схватиться за остатки памяти, не может, не помнит, вот ведь черт, не помнит, что такое, Федот, какой Федот, а-а-а, Федот, а чего ему, этому Федоту надо, что значит, верни камень, какой еще камень, нельзя так, чтобы возвращать камень...

Верни, говорит Федот, верни, пожалуйста, это так важно-важно-важно...

То не понимает, что важно, То щадит камень – само не знает, зачем То позволяет камню остаться.

...вздрагивает.

Испуганно оглядывается.

Не сразу понимает, что случилось, почему, как, откуда, зачем, – что-то было, что-то ушло, и вот То по-прежнему то самое То, какое было всегда.

И камень...

...как камень, почему камень, ему сколько лет, этому камню, да каких лет, – веков, тысячелетий, почему он все еще здесь...

...То спохватывается.

Вспоминает – почему.

Обнимается с камнем, с которым не виделось столько веков.

...вечером пьют чай в теплом доме.

То что-то делает, что в уютной комнате замирает портал, по ту сторону которого камень как бы тоже вместе со всеми пьет чай.

Хороший чай, с вареньем из прошлогодних воспоминаний, с приправами из воспоминаний прошлых тысячелетий.

Что вы увидите

... сначала будет совсем незаметно, мимолетно, вам покажется, что показалось – например, в какой-то момент незнакомец в кафе заведет с вами разговор, и вы почувствуете – одновременно! – что встаете и уходите, и что заводите с ним разговор. Тогда вы еще ничего не поймете, не придадите значения, сочтете за головокружение, за что-то вроде солнечного удара, скажете себе, что надо бы хорошенько выспаться.

Потом будет немало других подобных наваждений, прежде чем вы почувствуете, что происходит что-то странное, что вы одновременно отправляете какое-то письмо в корзину или спам, и в то же время открываете его, с интересом читаете и пишете ответ. Или по дороге на работу вы одновременно поедете на вокзал, купите билет куда-то в никуда, в такое никуда, что самому станет страшно, сойдете на какой-то станции, и долго будете искать в незнакомом городе какую-то контору, и только к вечеру спохватитесь, что даже не забронировали номер в гостинице.

Реальность будет к вам благосклонна, она не станет сразу перегружать вас кучей вариантов. Сначала проявится пара судеб, потом начнет проклевываться третья дорожка, а вот когда вы привыкнете к четырем-пяти – вот тогда уже не ждите пощады от судьбы, она навалится на вас всеми своими возможностями, и здесь уже ваши проблемы, если не будете успевать, если замешкаетесь, запутаетесь, забудете, в какой реальности вы должны подписать с этим человеком контракт, в какой – застрелить его в упор, как заклятого врага, а в какой пройти мимо по улице, потому что вы даже не знакомы, и нет смысла знакомиться в этом мире, ничего из этого не выйдет, ровным счетом ни-че-го.

Чем дальше, тем темнее и жестче будут переплетаться миры – и вы уже не удивитесь, когда ваша жена ненароком признается, а ты меня вчера на машине сбил, насмерть, и вы так же спокойно отвечаете ей, а я сегодня был на твоей свадьбе...

Постепенно вы начнете чувствовать, как темп событий ускоряется все больше, он уже не похож на ленивое течение времени, когда судьбоносные встречи происходят от силы раз в полгода, а то и реже – теперь судьба ветвится с бешеной скоростью, и вам станет страшно от того, сколько миров сразу вы видите. Но по-настоящему вы испугаетесь, когда начнете догадываться, что все эти реальности не случайны, что один вариант влияет на другой, что вы не смогли договориться с человеком в этом мире, потому что в другом мире вы в тот же момент стоите друг напротив друга на краю пропасти, целитесь, и только один из вас выйдет живым из этой страшной дуэли.

Чем дальше, тем больше придется чем-то жертвовать – например, вы выступаете перед публикой, и так увлечены, что не заметите, как в соседнем мире вас собьет машина или подстрелит снайпер на какой-то войне, про которую здесь и не слышали. И только от вас зависит, или вы останетесь в живых там, но не сумеете убедить аудиторию здесь, или здесь вы добьетесь головокружительного успеха, но там ваша судьба оборвется.

Чем дальше, тем больше судеб будет обрываться раз и навсегда – но не думайте, что от этого вам легче будет контролировать оставшиеся жизни: напротив, еще никогда хитросплетение вариантов не было таким тесным, таким прочным и хрупким, балансирующим на тончайших гранях, где от одного неверного действия может разрушиться все.

Нет смысла говорить вам, когда наступит кульминация – вы сами поймете и почувствуете это. Когда увидите себя спешащим куда-то – во всех оставшихся мирах одновременно, где-то вы будете мчаться на машине по бесконечной трассе, где-то вы будете бежать по улицам мертвого города, где-то под вашим вертолетом будут проноситься луга и равнины, где-то ваш корабль разгонится до околосветовых скоростей... и вот тут-то вы поймете, что в этой бешеной гонке победителем выйдет только кто-то один, а все остальные ваши ипостаси канут в небытие.

Не думайте, что будут варианты, которые можно отбросить без сожаления – каждый из них будет одинаково ценен, даже те, которые, казалось бы, беспощадно противоречат друг другу.

Что бы вы ни выбрали, – за свой выбор еще придется повоевать, буквально повоевать, ведь это будет решающий момент вашей жизни. Самое сложное будет, когда все закончится, – и вы не узнаете сразу, сию минуту, получилось у вас или нет. Какое-то мимолетное время – доли секунды, не более, – вы замрете с закрытыми глазами, еще не зная, что ждет вас дальше. И вот это-то волнительное ожидание и будет тем, ради чего и было все это, вообще все, и вам нужно только открыть глаза, – но на этом ваша история закончится, и вы не успеете узнать, получилось у вас или нет...

Осень, которая не осень

Осень...

(...я по-прежнему говорю – осень, хотя здесь уже не было ни зимы, ни лета, ни весны, ни осени, и числа календаря ничегошеньки-ничего не значили...)

...итак, осень ознаменовалась двумя событиями, которые выбили меня из колеи. Если вообще что-то могло выбить меня из колеи после События.

Прежде всего, Сеть разорвала меня напополам – и хотя у меня уже не было тела, а потому не могло быть крови, разломанных костей, разорванных сухожилий, – после этого я чувствовал себя неважно. Может, потому, что раньше никто не разрывал меня напополам. Впрочем, виноват я сам, и больше никто, у Сети были все поводы, чтобы так поступить. Я уже давным-давно сам все больше делил себя на две части – одна часть меня общалась с коллегами, решала рабочие вопросы, а вторая часть меня вместе с такими же отчаянными головами создавала сказочные миры. Так что неудивительно, что Сеть вполне справедливо решила, что я, который проектирует бытовую технику, и я, который рисует трехмерные модели фантастических городов, – это два разных я, и совершенно нечего им быть вместе.

Может, это и было справедливым, но мне от этого было не легче – я чувствовал себя буквально разорванным напополам, каждый я пытался найти второго себя, но чем больше искал, тем больше понимал, что одному мне совершенно не о чем говорить со вторым мной, мы слишком отдалились друг от друга за годы и годы.

Но это было еще не все – этого Сети показалось мало. Она решила – и опять же, вполне справедливо, – что поскольку я так тесно переплелся со своими единомышленниками, нет смысла рассматривать нас, как отдельных личностей, и гораздо удобнее объединить всех десятых (позже я узнал, что нас было целых пятнадцать), в одно сознание, один разум, создающий дивные города. Мы хотели было возмутиться, да что там – мы должны были возмутиться, где это видано, чтобы кучу людей объединяли в одного, – но к своему немалому удивлению обнаружили, что слишком похожи друг на друга, между нами слишком много общего, чтобы нас разделять, у нас оказались даже одинаковые мысли, мелкие повседневные привычки, тайные страхи.

Проще всего было сказать себе, что Сеть оказалась умнее нас, и ей виднее, что надо делать, и нам осталось только довериться нечеловеческому разуму – но это было бы слишком просто. Я понимал, что это только начало, что Сеть еще себя покажет, и нам еще придется отстаивать свои интересы.

И как показали дальнейшие события, я не ошибся...

Дом Бетти

Этот дом будет моим, говорю я себе.

Какой дом?

Да вот этот, чудесный дом в три этажа с лакированной скрипучей лестницей, ведущей наверх, с узкими стрельчатыми окнами, с двумя входами – парадным и черным, с башенкой, в которой можно пить вечерний чай и смотреть на звезды, с чердачной комнатой, в которой по вечерам светят фонарики, с большим залом, в котором весело потрескивает пламя камина.

Этот дом будет моим, говорю я самому себе. Слишком долго скитался по белу свету, слишком долго искал счастья.

Я смотрю на Бетти, осторожно ошупываю её сознание, приказываю посмотреть на меня – и тут же поспешно отвожу взгляд. Снова. Снова. И снова. Ей нравится эта игра, мне тоже, увлекает все больше и больше. Другие люди за столом ничего не замечают, я хочу послушать их мысли, тут же передумываю, какое мне дело до них, в конце-то концов...

Поднимаем бокалы, пьем за здоровье Бетти. Я завожу какой-то неловкий разговор, каково это – быть хозяйкой такого большого дома, Бетти смотрит на меня как-то недоуменно, чувствую, что сболтнул что-то не то, впрочем, как и всегда, где это видано, чтобы я сбалтывал что-то то.

Темнеет.

Я снова подключаюсь к Бетти, я приказываю ей выйти в сад, я чувствую замешательство Бетти, неясную тревогу – когда она кутается в шаль, зачем-то берет зонтик, сама не знает, зачем.

Я жду.

Бетти выходит на дорожку, чуть подсвеченную фонарями, – я продолжаю вести Бетти, я делаю вид, что оказался в саду случайно, я заставляю её поверить, что я оказался тут случайно. Говорю какие-то ничего не значащие фразы про погоду, про то, что ночи что-то холодноваты, что вроде пора уже наступить теплу...

Я говорю, сам не слышу себя, я слушаю Бетти, я заставляю её слушать мое сознание, я приказываю ей...

...этот дом будет моим, говорю я себе.

Будет.

Моим.

Да вот этот, чудесный дом в три этажа с лакированной скрипучей лестницей, ведущей наверх, с узкими стрельчатыми окнами, с двумя входами – парадным и черным, с башенкой, в которой можно пить вечерний чай и смотреть на звезды, с чердачной комнатой, в которой по вечерам светят фонарики, с большим залом, в котором весело потрескивает пламя камина.

Этот дом будет моим, говорю я самому себе. Слишком долго скитался по белу свету, слишком долго искал счастья.

Я смотрю на Бетти, осторожно ошупываю её сознание, приказываю посмотреть на меня – и тут же поспешно отвожу взгляд. Снова. Снова. И снова. Ей нравится эта игра, мне тоже, увлекает все больше и больше. Другие люди за столом ничего не замечают, я хочу послушать их мысли, тут же передумываю, какое мне дело до них, в конце-то концов...

Люди пьют за наше здоровье, за здоровье молодых. Я завожу какой-то неловкий разговор о том, что семья это не только большая радость, но и большой труд, и очень жалко, что в наше время не все это понимают, то ли дело раньше... Пожилые гости снисходительно кивают, улыбаются мне, кажется, у меня получится стать своим, ну или почти своим в этом странноватом городке. Я пытаюсь прислушаться к их мыслям, – мыслей слишком много, все какие-то про-

стые, ни о чем, надо бы постельное белье поменять, и одеяло подшить, и шифер на крыше подправить, и что-то лето в этом году холодноватое, скорей бы теплее стало, а то из дома выбираться не хочется, а пора бы уже, и в город съездить...

...этот дом будет моим, говорю я себе.

Будет.

Моим.

Да вот этот, чудесный дом в три этажа с лакированной скрипучей лестницей, ведущей наверх, с узкими стрельчатыми окнами, с двумя входами – парадным и черным, с башенкой, в которой можно пить вечерний чай и смотреть на звезды, с чердачной комнатой, в которой по вечерам светят фонарики, с большим залом, в котором весело потрескивает пламя камина.

Этот дом будет моим, говорю я самому себе. Слишком долго скитался по белу свету, слишком долго искал счастья.

Я смотрю на Бетти, осторожно ощупываю её сознание, приказываю подойти к столу в кабинете, выдвинуть ящик, вытащить револьвер, да-да, вот так, теперь приставить к виску...

Этот дом будет моим, говорю я себе.

Сбивчиво объясняю что-то следователю, да я сам в шоке, нет, меня дома не было, я тут в город поехал, машину подправить, только вечером домой вернулся, а тут такое... Нет, не я, нет, соседи обнаружили, чета Памкинсов, они в доме были, когда я пришел... они и полицию вызвали... да я сам в шоке...

...я в шоке, сообщаю я полицейскому, я в шоке, это она сделала, она сама, слышите, сама, ничего не было, нет, не ссорились, ну, так-то не понравилось ей, что я тут с машиной со своей поперся куда-то, лучше бы дома с ней остался, ну что ж теперь, стреляться из-за этого... Да вы у соседей спросите, что далеко ходить, у нас же городочек маленький, вся жизнь на виду, тут ничего не скроешь, если бы скандалы какие были...

...этот дом будет моим, говорю я себе.

Будет.

Моим.

Да вот этот, чудесный дом в три этажа...

...опускается крышка гроба...

Я жду, что будет дальше, почему люди вокруг ничего не делают, почему так и стоят вокруг, почему не несут на кладбище, где у них вообще в городке кладбище, что-то я не видел, тогда автобус нужен, гроб везти, почему автобус никто не заказал...

Вздрагиваю – когда гроб начинает медленно таять, становится прозрачным, я вижу сквозь него землю, покрытую клочками травы, все четче, четче...

Не сразу замечаю странное движение поодаль, там, где стоит дом, не сразу понимаю – вернее, вообще не понимаю, почему дом становится прозрачным, тускнеет, тает, исчезает в легком тумане...

Вот она и ушла, говорят соседи, теперь её дом там.

Где там, не понимаю я, где дом, спрашиваю я, был же дом, чудесный дом в три этажа с лакированной скрипучей лестницей, ведущей наверх, с узкими стрельчатыми окнами, с двумя входами – парадным и черным, с башенкой, в которой можно пить вечерний чай и смотреть на звезды...

Её дом там, отвечают мне, теперь она дома там.

Где там, – я почти срываюсь на крик, где там, – я слушаю их мысли, удивительно спокойные, какое-то место где-то там, нигде, куда приходят люди со своими домами после того, как...

Персональная луна

Очень многих беспокоит вопрос – когда у каждого из нас будет своя персональная луна? К сожалению, это случится не скоро.

Сами прекрасно понимаете, что сначала луну получит каждая страна по отдельности – в свою столицу, то есть, двести пятьдесят месяцев по числу стран каждый месяц старую луну будут снимать с неба и вывешивать на главной площади. Потом очередь дойдет до городов поменьше, пока в каждом мало-мальски значимом городе не будет луны. Конечно, на это уйдут годы и годы, по нехитрым подсчетам – более двух веков.

Учтите, что за это время могут появиться другие города, которые тоже потребуют свою луну; хотя, вполне возможно, что будет наоборот, часть городов канет в небытие. Ученым сложно делать прогноз на такие большие отрезки времени.

Потом настанет очередь маленьких поселков, городков, деревушек – каждый из них захочет получить луну, и это растянется еще на несколько веков. И только потом можно будет говорить о больших домах, которые захотят каждый свою собственную луну. Еще через несколько веков луна над домом станет чем-то привычным, обыденным, и вот только тогда богатейшие люди мира смогут позволить себе персональную луну. Население земли к тому времени составит десятки миллиардов человек – вот и подумайте, сколько вам придется ждать своей очереди на личную луну, если вы не обладатель огромного состояния?

Не хотим вас разочаровывать, но к тому времени, как очередь доберется до вас, луны уже не будет существовать. Вот вам и ответ на вопрос, достанется ли вам когда-нибудь луна.

Особо хотим заметить – не ведитесь на уловки мошенников, которые обещают луну вот прямо здесь и сейчас, стоит только заплатить крупную сумму. Повторяем: в наше время луна не продается, сейчас её только получают столицы мира, все по очереди.

Ну и напомним: за попытки украсть луну людей наказывают сурово и беспощадно, так что даже не пытайтесь снять её с неба. В некоторых странах такие проступки караются смертной казнью.

Что же делать, спросите вы? Неужели большинство из нас ждет безлунная жизнь?

Вовсе нет!

У нас вы можете заказать свою персональную луну, которая будет светить над крышей вашего дома, и ничем не отличается от настоящей! Более того, вы можете выбрать фазу луны, – от круглого блина до тоненького месяца. Просто позвоните по телефону...

...когда я увидел луну над крышей мистера Смога, то сразу же опытным глазом определил, что луна ненастоящая, искусная подделка из чего-то там – после чего остатки моего уважения к странному господину улетучились, как дым. Только напыщенный болван мог повесить над крышей фальшивую луну, пытаясь выдать её за настоящую, а себя самого – за состоятельного человека. Уж если хозяин дома пытается обмануть меня лунной, то наверняка обманет меня еще чем-нибудь, решил я, – и, как показали следующие события, не ошибся...

Закниженная равнина

...книга растет медленно. Кто вам скажет, что книга будет готова за неделю или за месяц, – гоните того в шею, так не бывает. Кто вам скажет, что есть какое-то книжечное дерево – тому тоже не верьте. Книга может вырасти и на сосне, и на тополе, и на ёлке, и на астероксилоне, даром, что они вымерли давным-давно, для книги это не помеха.

Сначала на ветках появляются знаки – самые разные, причудливые, многие из них совершенно непонятные. Бессмысленные, мертвые знаки опадают, уносимые ветром, – они не держатся на ветках слишком долго. Ближе к июлю на ветке дерева можно увидеть только осмысленные буквы, где-то в развилке притаилась буква А, на верхушке ёлки – горделивая Ф, на тоненькой ветке – аккуратная У. В это время года еще можно заметить на деревьях буквы других народов, – латинскую F, китайский знак огня, арабскую вязь.

Когда наступает август, буквы уже слабее держатся на дереве, их связь ослабевает, им приходится складываться вместе, чтобы удержаться на ветках. Но не всякой группке букв удастся укрепиться на ветвях – большинство из них разметает и унесет ветер. В первую очередь улетят те, у кого получилось сложиться в какую-то бессмыслицу, не более того – ыванео, смрае, лгктрпв, фкоалшгн, – такая белиберда, как правило, бывает очень длинная, буквы как будто чувствуют, что делают что-то не то, вот и стараются выстроиться подлиннее. Но, разумеется, их это не спасет.

Еще меньше повезет буквам чужого алфавита, – им просто не с кем сложиться в слово. Иногда можно заметить, как какая-нибудь латинская W пытается составить слово с японским иероглифом, обозначающим женщину, или египетский знак сокола прикрепляется к шумерской клинописи – выглядит причудливо, но это их не спасет. Я лично знаю нескольких отчаянных мечтателей, которые в июле лазают по деревьям, собирают немислимые сочетания букв, рассаживают по клеткам, по аквариумам, по банкам, пытаются вырастить из них что-то, придать словам какой-то смысл – но слова, изначально не имеющие смысла, долго не живут.

К началу августа на деревьях остаются только осмысленные слова – солнце, дорога, эврика, заснеженный, говорящий. Но слова еще гибкие, еще податливые, они еще ползают по дереву причудливыми черными гусеницами, соединяются – дом-ой, дом-а, небо-свод, или ДОМА подбирают какую-нибудь потерянную Ш, а уж потом как повезет кого встретить, или – ний, или —ка, и получится слово. Окончания вообще любят собираться кучками, выжидать, чтобы какое-то слово обратило на них внимание.

Когда начинается сенокос, слова уже ищут друг друга, чтобы сложиться в целые фразы – к этому времени у них отрастают крылья, и слова-одиночки вспархивают над деревом, чтобы найти себе подобных в других местах. В знойные августовские дни можно вволю полюбоваться перелетами слов с дерева на дерево, иногда даже до соседней рощи. Очевидцы рассказывают, что как-то целая стая слов летела к соседнему лесу через бескрайний луг.

К тому времени уже можно снимать с деревьев целые предложения, – однажды мне попалась на дереве фраза «Когда она поднялась на дорожку, ведущую к полной луне, луна как раз коснулась земли, и страннице пришлось поторопиться, чтобы успеть к луне, пока она не поднялась слишком высоко.» Я хотел читать дальше, но дальше не было, – предложение вырвалось из моих рук, вспорхнуло вверх по дереву. Позже, ближе к осени, я попытался найти книгу с этим предложением – но у меня ничего не получилось, я так и не смог разыскать книгу, в том году их было слишком много.

А чуть позже начинается фразопад – так мы называем дни, когда отмирают ничего не значащие предложения, например —

С семи до восьми мы обустроим мёртвую реальность, где можно поднять следующих людей, а с восьми до девяти расположится демоническая голова с картин, или —

великий хлеб ясен сыграл меня молчанием и темнотой – только несколько порядков велики оставались больше, два места велики тонут с литератур, со мной тоже такое трясся, я чуть не гостин разлетелся от страха...

или —

думайте, спутник мой, вы же там, а не тут, не вас же молоды скажут пожелтевшие карены в дело корабля, не вашу кровь напишут вежливо на городской местной ночи...

Вот такие предложения отпадают, отмирают. И если кто-то скажет вам, что слова сами знают, как им расположиться в предложение – не верьте таким людям, ни единому слову их не верьте. А лучше покажите им августовскую землю, усеянную мертвыми фразами, которые ничего не значат. Впрочем, сторонники разумности слов предпочитают не замечать очевидные вещи. А мы с вами лучше пройдем по позднему августовскому лесу, соберем мертвые фразы, сделаем букет, который будет стоять до следующего фразопада. Кто-то даже выставки этих букетов устраивает, конкурсы какие-то, не знаю, никогда не пробовал. А когда осень позолотит верхушки лип, останутся только живые предложения, несущие смысл. Правда, будут попадаться и такие, про которые вам ничего не понятно – но почему-то они живут и не опадают.

Как предложения находят друг друга – до сих пор для многих остается загадкой. Хотя правильный ответ удивительно простой – никак. Предложения сталкиваются в полете, и если подходят друг другу по смыслу – то сплетаются прочно-прочно, а если фразы не состыкуются – они разлетаются в стороны. И только теперь становится понятно, что абсурдные предложения, которые каким-то чудом выжили – вовсе не абсурдные, у каждого из них есть значение. Не вашу кровь напишут вежливо на городской местной ночи – цепляется к фразам, которые составляют целую историю про города, в каждом из которых есть своя, местная ночь, и там живут люди, кровь которых – что-то вроде стихотворения, и выражение «напишут кровь» вовсе не является безумием.

Откуда они знают заранее, кому жить, кому умирать? Почему слово елокда умирает, а слово фоашш остается жить, чтобы стать криком дракона в какой-то сказке? Почему слово арпоне – лежит мертвое на траве, а слово снеждь живет, становится названием чего-то среднего между дождем и снегом? Кто-то опять начнет с пеной у рта доказывать, что кто-то заранее знает, о чем будет книга, кто-то невидимый и неведомый пишет её – нет, ничего подобного. Ответ опять же до смешного прост – каждое слово старается притянуть к себе какие-то слова, чтобы выжить, – точно так же, как каждая фраза стремится выжить, притягивая к себе другие фразы. И несуществующая снеждь тянет к себе слова снег и дождь, чтобы нанизать слова – у нас снег и дождь называют красивым словом «снеждь». А потом уже прицепит фразу, где написано – где это «у нас», фразу про какой-нибудь удивительный город. Более того, такие-то неправильные слова и фразы ищут друг на друга, жмутся друг к другу, и вот уже в городе, где моросит снеждь, появляются местные ночи, и творцы пишут карены – что-то среднее между катренами и картинами. Нет, не картину, а под ней катрен, а именно что-то среднее: пока сами не увидите, не поймете. Фоашш, фоашш...

Чем больше осень вступает в свои права, тем меньше летают фразы – они жмутся к облетающим деревьям, оплетают их длинными нитями, свисают до самой земли. Иногда бывает интересно ухватиться за кончик предложения и распутывать историю, у которой частенько еще нет начала и конца. Правда, так недолго и повредить тончайшие фразы, и книга рассыплется, так и не сложившись. Когда мы были детьми, нередко тайком распутывали на деревьях истории, пока нас кто-нибудь не ловил за этим занятием и не надирал нам уши. Стыдно признаться, пару книг я погубил-таки, дернул нечаянно. Зато еще одну книгу я спас, – прочитал кусочек без начала и конца, а потом книга не прижилась, рассыпалась, не пережила зиму. Я могу даже пересказать вам, о чем она...

...но не о том речь, не о том. А о том, как с последними облетевшими листьями на мертвую листву ложатся буквы, слова, предложения, – страница за страницей, – листья-буквы-

листья-буквы-листья-буквы. Старый садовник сурово отгоняет тех, кому не терпится полистать свежие страницы, ну еще бы – так и повредить недолго.

А потом страницы заматает первым снегом – все гуще и гуще, и книги дремлют до самой весны. Тут, главное, не торопиться, но и не замешкаться, а ближе к Сочельнику отправиться в лес, раскапывать снег – бережно-бережно, и рукавицы промокнут, и руки озябнут, и... и здесь надо с пафосом сказать, что все трудности тут же забудутся, как только откопаешь из-под снега настоящую книгу, – да нет, ничего подобного, уже миллион раз проклянешь эту книгу, пока вытащишь, и себя проклянешь, и заснеженный лес. А потом тащишь все это через сугробы, и сколько раз хочется все это бросить, пропади оно, пропади все, пропади... А не бросаешь, а везешь, к дому, к дому, на заснеженное крыльцо, вроде бы только чистили, опять замело к чертям, и долго отряхиваешь снег, и усаживаешь книги у камина, чтобы согрелись, оттаяли, ожили, раскрыли свои тайны...

...так что если кто-то будет вам говорить, что книги кто-то нарочно пишет – вы такого гоните сразу в три шеи. Может даже не показывать разрозненные буквы, ничего не значащие слова, бессмысленные предложения, оборванные сюжеты...

Нет, есть, конечно, шарлатаны, которые сами делают книги, куда же без них. Только это сразу можно отличить, или шарлатан какой книгу написал, или настоящая книга, на дереве выросшая. Вы сами-то по книжным базарам ходите, почитайте, полистайте, спервоначалу непонятно будет, а там и поймете, какая книга настоящая, а какая поддельная.

А у нас сегодня закнижило все, такой книгопад за окнами, смотрю на закниженную равнину, в самую пору идти, лепить книговика. Прилетят книгири, рассядутся по веткам, скоро пойдем искать в лесу подкнижники...

Фрагменты фильма

... в фильме обязательно должен быть момент, когда Юн в отчаянии бежит через листопад аллеи прочь от дома, куда-то на пустошь, и дальше, дальше, на берег моря, где дальше некуда бежать, только ринуться с обрыва в волны. У зрителей должно сложиться впечатление – на какие-то доли секунды – что герой и правда бросится в море – но тут же он остановится, упадет на колени, весь его вид будет выражать глубочайшее отчаяние. Лицо героя в этот момент показывать не надо – потому что никакое выражение лица не может передать то глубочайшее потрясение, которое испытал Юн.

Напоминаем: зрители еще не знают, что он прочитал там, в библиотеке хозяина.

Важно: это не то отчаяние, которое переживал персонаж, когда у него что-то не получалось, когда он в бешенстве хотел грохнуть скрипку о стену, невероятным усилием воли клал её на стол, выбегал из комнаты – прочь, прочь, в темноту ночи, пропади оно все пропадом, пропади, пропади, пропади. Это было другое – минутная слабость, после которой можно вернуться на круги своя, стиснуть зубы, работать, работать, работать. Но тут совсем иное – настоящее отчаяние, после которого человек не знает, как жить дальше.

Имейте в виду – замешательство героя должно расти постепенно, с того самого момента, как на улице к нему подсядет человек, хозяин загадочного дома, и заведет неспешный разговор ни о чем, и в то же время обо всем на свете. А вы чем увлекаетесь, да как ничем, ну что значит, мечтали, мечты сбываться должны, как скрипки нет, будет скрипка, все будет... Уже тогда герою должно быть страшно, уже тогда он начнет понимать, что так не бывает, чтобы незнакомые люди подходили и приглашали в гости в их дом за городом, где можно поупражняться на скрипке, и поужинать, и куда вы в такой поздний час пойдете, слуги вам наверху постелят...

Тревога должна усиливаться – например, вечерами, когда юные таланты будут рассказывать друг другу жуткие истории про хозяина дома, который заманивает сюда неординарных людей, чтобы потом вытянуть из них души. Пусть зрителям покажется, что это не просто страшилки, что на самом деле существует такая опасность – стать жертвой странного хозяина.

Не забудьте передать замешательство Юна, когда он заблудится в незнакомом городе, и не сразу спохватится, что потратил все деньги, выданные хозяином. Помните, тут должно быть два вида замешательства, совершенно разных – страх остаться в незнакомом городе и тот момент, когда рядом с Юном паркуется машина, из которой выходит старый Франсуа и спрашивает, желает ли молодой скрипач ехать домой или хочет остаться на ночь в городе. Здесь Юн должен по-настоящему испугаться – он не понимает, каким образом Франсуа узнал, что Юн здесь, если сам Юн не знает, где он. До этого не забудьте показать, что Юн забыл свой телефон, и его местоположение невозможно выяснить.

В следующих случаях, когда хозяин будет предвидеть события, которые предвидеть, казалось, невозможно, Юн уже не будет так изумляться – нужно показать какую-то отрешенность на его лице, он принял правила игры, хотя совершенно их не понимает.

Совсем другим должен быть страх Юна, когда он просыпается после ночных кошмаров, долго лежит, уставившись в потолок, пытается понять, что он видел, что с ним было, почему он был то в тронных залах, то в каких-то потайных убежищах, а снаружи ждет смерть, неминуемая смерть, и самое страшное, что это он сам все устроил. Здесь должен быть даже не страх – неясная тревога, непонятное чувство, что он должен что-то сделать, и не делает, что он не на своем месте, что нужно куда-то бежать прочь из этого дома, в какую-то сторону, причем, Юн определенно знает, в какую. В те ночи, когда Юн не может противостоять неясной тревоге и правда выбегает из спальни на улицу, и дальше, по шоссе, по бездорожью, в никуда – нужно показать, как неумолимое намерение бежать на свое место постепенно уступает растерянности, – сонное наваждение уходит, Юн снова становится Юном, таким, как обычно, прихрамывая, плетется

к дому, иногда даже не может вспомнить, откуда он бежал, ищет какие-то ориентиры, шоссе, ловит попутки.

А вот когда Юн увидит Эльгу, которая бежит ночью через поле, он даже не удивится – бросится за ней, не раздумывая, терпеливо дождется, пока наваждение Эльги спадет, осторожно окликнет девушку, поведет к дому. Здесь по выражению лиц героев нужно показать, что они хотят спросить друг друга, – а вы тоже? – а вы? – и не спрашивают, и так все понятно.

Когда все тайно от хозяина соберутся в нижнем зале, встреча должна проходить в полном молчании, – зритель должен только увидеть, как музыканты, художники, режиссеры, писатели, ученые рисуют на полу направления, куда гонят их сны, прикладывают карту мира, начинают понимать, что какая-то неведомая сила манит их в мировые столицы, но зачем и почему, они не знают.

Зрители так и не должны увидеть, что герой прочитал в закрытой библиотеке хозяина – покажут только первые страницы учебника истории, сведения в котором совсем не соответствуют настоящему течению истории. Фотография Юна должна мелькнуть мимолетно, едва заметно. Зритель должен сам догадаться, что там прочитал Юн, почему странные сны вели обитателей дома в столицы, и что так разочаровало Юна, который до этого момента искренне считал себя одаренным, а теперь понимает, что хозяин странного дома собирал их у себя не для того, чтобы раскрыть их таланты, а совсем с другой целью...

Дворец Полносолнция

- Где замок? – он смотрит на меня, как мне кажется, с ненавистью – замок-то где?
Откашливаюсь, готовлюсь объяснять, долго и муторно.
- Вы мне замок обещали, – не унимается он, – замок Луны.
Говорит таким тоном, как будто я ему обещал, что он будет жить в этом замке, не меньше, а тут нате вам, замка-то и нет.
- Понимаете... этот замок был построен семь тысяч лет назад...
– ...вы уже говорили, – нетерпеливо обрывает он.
– ...ну вы же понимаете, что осталось от замка через семь тысяч лет?
Он бледнеет.
– Хотите сказать...
– ...ничего.
– Слушайте, я вам за что плачу, спрашивается? – он снова смотрит на меня с ненавистью, – уже даже не за руины, а за голую пустыню, так, да?
Пожимаю плечами, ну что поделывать, получается, что так.
– Ну ладно, давайте дальше... что у вас там заявлено... дворец... дворец Полносолнция...
– Полно... чего?
– Ну, то полнолуние есть, а то полносолнце...
Он недоверчиво смотрит на меня:
– А что, у солнца есть фазы... как у луны?
– Ну, нет, но...
– ...а если нет, то какого черта полносолнце?
Хочу ответить, что если что не нравится, так и вали отсюда, никто силой смотреть ничего не заставляет. Не огрызаюсь, покорно веду туриста куда-то в никуда, вот так, ну а что поделывать, дорога тяжелая, извините, никто шоссе не проложил, да вам его в программе и не обещали никакого шоссе...
– Вот... полюбуйтесь... дворец Полно...
– ...какого черта?
– А... ч-что такое?
– Нет, вы посмотрите, вы посмотрите на него, он еще спрашивает! Что такое... Я вам за что платил-то вообще?
– За дворец... Полносолнция.
– И где он, этот ваш дворец?
– Ну, он был построен три миллиона лет назад династией...
– ...так где он, я вас спрашиваю?
Выдыхаю:
– Разрушен.
Турист хлопает себя по коленке, бормочет что-то, да пропадите вы все пропадом...
Не понимаю я его. Не понимаю. Люди сюда рвутся, приезжают за тридевять земель, фотографируют пустоту – чтобы хоть пустота осталась на память о том, что было когда-то, бесконечно давно. А этот нате вам, сам не знает, чего хочет, то ему не так, это не эдак...
– Что у вас еще?
Он уже не спрашивает. Он уже требует. Тонем, не терпящим возражений. Вынь да положь ему все, что у меня еще есть в каталоге...
– Ну, вот... Звездный Город...
– Я надеюсь, его не сто миллионов лет назад построили?

- Нет, что вы.
- И не тысячу лет назад?
- Нет-нет, позже, много позже...
- ...столетние руины какие-нибудь...
- Еще позже...
- Это уже радует.
- Только чтобы туда попасть, надо на высокую гору подниматься, вы как, ничего?

Он ничего, он согласен хоть на край света, лишь бы увидеть хоть что-то в этой бескрайней пустыне. Поднимаемся – в головокружительное никуда, спотыкаемся о пустоту, хватаемся за воздух. Мне кажется, что каждый раз, когда я на неё поднимаюсь, эта гора становится все выше и выше, когда-нибудь она станет бесконечной.

Останавливаюсь, чтобы отдышаться, показываю пустошь:

- Вот...
- Что вот?
- Город...
- Какой, к хренам собачьим, город? Вы меня разыгрываете или что?
- Звездный город.
- Вы из...
- ...только его еще не построили.
- И когда же...
- ...это будет только в пятитысячном веке.
- Году?
- Веке.

Жду от него новой вспышки гнева. Не дожидаясь. Он смотрит на пустоту, где когда-то появится город, он как будто пытается увидеть то, чего здесь еще нет. Нехотя-нехотя достает телефон, делает снимок пустоты.

Поворачивается ко мне.

- А еще у вас есть что-нибудь... такое?
- Есть, конечно... Крепкая Крепость...
- И когда её построят?
- Еле сдерживаю улыбку, ага, принял правила игры...
- Через тысячу лет.
- У него загораются глаза:
- Пойдемте... посмотрим...
- Мысленно киваю сам себе, ага, клюнул...

- ...и что, все у вас такое... вот такое вот, да?

Не понимаю:

- Какое – такое?
- Ну... то, чего еще нет... или уже нет?

Пожимаю плечами:

– Ну а как вы хотели, вы хоть понимаете, какая это ничтожная вероятность, что на какой-то планете в одно с нами время появится разумная жизнь, которая будет строить замки, крепости, города?

– Понимаю... – кивает он, идет к терминалам, где стоит полиция, пропускает в портал, – понимаю... спасибо вам огромное...

- Да не за что... работа наша...

Его пальцы клешнями сжимаются на моей руке, даже вскрикиваю от боли.

- Арестуйте этого человека.

Люди в форме недоуменно смотрят на туриста:

– Простите?

– Арестуйте его.

– Но...

– ...он мошенник.

– А что он делает?

– Туристов обманывает, что... наобещает в своей рекламе, что кучу всяких храмов увидим и городов, а на самом деле одна мертвая пустыня... да еще и наглости хватает заявлять, видите ли, это уже рассыпалось в прах, а это еще не построили... Нет, вы представляете, каков фрукт, а?

Люди в форме кивают:

– Ну, хорошо... пройдемте.

Проходим. Захлопывается массивная дверь, я уже знаю, что будет дальше.

– Хорошо знаю.

– Так вы... – полицейский сочувственно смотрит на туриста, – вы... действительно их не видели?

– Ну, вы мне не верите, вы сами-то в пустыне посмотрите, что делается, ничего нет!

– Ничего нет, говорите... не видите, говорите... Так откуда вы взялись-то такой, что во времени ничего не видите?

– Т-то есть откуда?

– Давайте-ка по базе пробьем... А ведь вас не существует.

– В смысле?

– Вы не родились.

– То есть?

– Ну, чтобы человек родился, надо, чтобы его родители встретились, верно я говорю?

– Верно.

– Ну вот, а ваши родители и не встречались никогда...

– П-почему?

– Потому что их самих не существовало, вот, посмотрите...

– А их-то почему не...

– ...потому что их родители не встретились, что ж тут непонятного?

– А им что помешало встретиться?

– Так все то же самое...

– И до какого колена, хотел бы я знать? – он все ещё усмехается, он все ещё не понимает, чем для него это всё кончится...

– Так ни до какого... вашей истории не было, понимаете? Ваши предки никогда не вышли на сушу, ваша планета не появилась, ваша звезда не вспыхнула...

Человек в форме поворачивается ко мне. Торжествующе:

– Вот мы его и накрыли... спасибо вам огромное...

Бормочу что-то вроде рад стараться, чувствую, что краснею.

– Ну... как договаривались, расплатимся с вами с лихвой...

Спохватываюсь:

– А... а можно попросить?

– Что такое?

– А... а можно мне этого?

– Какого этого?

– Ну... этого этого... у вас же вроде такие вот ошибки реальности...

– ...стирают.

– Ну, или в рабство отдают... – говорю торжествующе, уж что-что, а законы я знаю.

- Верно говорите.
- Ну вот. А можно мне...
- Да забирайте...

Ошейник шелкает на бывшем туристе, вывожу пленного, стараюсь не встречаться ни с кем взглядами.

– ...вот здесь вот крепостная стена идет... а дальше ворота... пойдём... вот мы через них проходим, дальше домик такой кривой, с одной стороны повыше, с другой пониже, а вот тут арка, а за ней внутренний дворик с фонариком наверху...

Он смотрит, вернее, делает вид, что смотрит – все еще не могу поверить, что он ничего этого не видит.

Нам еще многое предстоит рассказать друг другу, я должен ему в красках расписать все эти города, а он еще расскажет мне, где его дом, которого нет, и его родные, которых нет, и его судьба, которой нет...

- Мы еще найдем все это.
- Обязательно.

Абажур

Однажды вечером я пошел выгуливать свою настольную лампу...

...впрочем, большинство моих историй начинаются именно так – однажды я пошел выгуливать свою настольную лампу. Беру её в руку, спускаюсь по лестнице, как всегда. Лампа тускло освещает кусочек улицы, тени от лампы бегут по стенам домов, все чинно, все тихо-мирно, все хорошо.

И тут-то начинается.

– Совсем охренели, с лампами выходить!

Это какая-то дама в страусовом боа.

– Почему не в клетке?

Это какой-то господин с сюртуком, именно, что не в сюртуке, а с сюртуком, тоже, видно, несет выгуливать.

Терпеливо объясняю, что лампу не положено держать в клетке, это же лампа, а не птица какая-нибудь, – господин вспыхивает:

– Я астроном, я лучше знаю!

Какая связь между астрономом и лампами, даже не спрашивайте.

– Берта! Китти! Осторожнее! Сюда! Лампа! Лампа!

Приподнимаю лампу, думаю, что мамочка зовет детей посмотреть на лампу – как бы не так, хватает дочек за руки, тащит прочь в темноту ночи, боится, ну, правильно, лампа же ужас, какая страшная...

– Да она тут сожжет все, куда полиция смотрит!

Это какая-то необъятная тётка в павлиньих перьях. Присматриваюсь, понимаю, что перья у неё не павлиньи, а её собственные, они из неё растут.

– Почему они говорят, что я все сожгу? – спрашивает лампа, – я же электрическая!

– Ну, знаешь... – пытаюсь объяснить, не могу, – просто... есть люди, которые не любят лампы.

– Удивительно, – говорит лампа, – как же можно не любить лампы? Они же светят!

– Ну... может, людям не нравится, когда светят...

Иду дальше, стараюсь свернуть туда, где поменьше людей, где никто не увидит нас с лампой. Мерцают деревья в темноте ночи, подсвеченные лампой, любуюсь переплетением ветвей. Кто-то спешит ко мне по дорожке, вот ведь черт, только хорошей драки мне сейчас не хватало...

– Позвольте... позвольте!

Взъерошенный парень наклоняется над лампой, подносит под абажур раскрытую тетрадь в толстом переплете, торопливо записывает. Мы с лампой ждем – терпеливо, трепетно, мы понимаем – здесь создается искусство, что-то новое, стихотворение какое-нибудь, нет, не стихотворение, – ноты, ноты, ноты, – мелодия...

– Спасибо! Спасибо! – он убегает в темноту ночи, я даже не успеваю ответить – не за что.

Иду дальше, и что вы думаете. Нет, я уже знаю, что если я пойду выгуливать свою судьбу, что-нибудь с нами обязательно да и случится, оно всегда что-нибудь да и случается. Но такого даже я не ожидал, даром, что на что только не посмотрелся. Бросается ко мне прилично одетая дама, хватая мою судьбу за поводок:

– Дайте... дайте мне! Срочно! Немедленно!

Вежливенько стараюсь объяснить, что это вообще-то моя судьба, и никому отдавать её не собираюсь. Мои возражения повисают в воздухе, понимаю, что крыть нечем, только разве что матом. А дамочка не унимается, прямо-таки в истерике бьется.

– Дайте! Дайте! Да как вам не стыдно, да у вас все есть, дом в три этажа, и гонорары бешеные получаете, и весь мир объездили, а я тут, как дура, пурхаюсь, вчера вон брошку сперли!

Терпеливо пытаюсь объяснить, что это никак не я спер её брошку, и уж никак не виноват – объяснения не прокатывают, дама рвет у меня из рук поводок. Что-то щелкает внутри, выпускаю поводок, киваю – пожалуйста, пожалуйста, да без проблем.

Судьба набрасывается на дамочку всей своей тяжестью, – смерть любимого дедушки, после которого мне остался дом, гибель невесты, тяжелая болезнь, во время которой понял, что надо что-то делать, что-то оставить после себя на земле, потом – стихи, стихи, стихи, странные, причудливые, ни о чем, слава, которую язык не поворачивается назвать славой, полнейшая неопределенность того, что будет дальше...

Дамочка отскакивает с визгом, проклиная меня на чем свет стоит, ну мужчина, ну предупредить же надо, вообще нельзя такие судьбы выпускать, она кому-нибудь всю жизнь искалечит!

Хочу ответить – так не трогайте её, вот и не искалечит – не отвечаю, уже предчувствую очередной поток брани, у вас забыла спросить, что мне делать, чего не делать...

Идем с судьбой дальше, судьба ищет какие-то вехи, вехи, вехи, я так чувствую – нащупывает свой путь в пустоте...

А, ну да.

Без этого-то ни одна прогулка не обходится.

Шагаем мимо набережной, придерживаю Цзинь, проверяю намордник. На набережной стоят трое, уже замечаю перед каждым империю на поводке, у крайнего – без поводка, какой-то улун, улун, лунное что-то, что ли...

Осторожно спрашиваю, как всегда спрашиваю:

– Вечер добрый. Они у вас мирные?

– Что вы, мирные, мирные, – отмахивается хозяин.

Проходим мимо – и случается то, что должно случиться, этот-то Монгол-Улун с ревом и лязгом оружия обрушивается на мою Цзинь, и начинается – грохот, звон клинков, кровища рекой, тут же в бой бросается еще одна империя, с парусами фрегатов, с грохотом пушек, – щелкаю хлыстом, разгоняю, растаскиваю, бью хлыстом, кто-то визжит – не смейте трогать мою империю, кого-то огреваю хлыстом...

...нет, я уже даже не буду говорить – не берите черт знает какие империи и эпохи черт знает откуда, сами понимаете, чем это может кончиться. Это все бесполезно, ну надо людям непременно не мирную страну и эпоху, а что-то воинственное, лязгающее оружием, наводящее ужас, ну мучайся ты сам с этим чудовищем, другие-то почему страдать должны? Нет, непременно надо выпустить без повода. Спасибо еще имперские бои не устраивают, не стравливают страны между собой, и то хорошо. Хотя кто их знает, может, и устраивают, от них чего угодно ожидать можно...

...идем с человеком домой, я веду человека, другие лампы смотрят настороженно, недоверчиво, кто-то уже прямым текстом заявляет, в наручниках надо выводить, он еще разобьет здесь кого-нибудь, вообще будет ужас-ужас. Ну да, конечно, люди только этим и занимаются, что бьют лампы, больше им делать нечего. Лампам, конечно, виднее.

Добираемся до дома, меня до сих пор поколачивает, нет, ну а что я хотела, можно подумать, хоть одна прогулка проходит без приключений. Что-нибудь да и не так, а то и вообще все. Нет, может, это есть где-нибудь, чтобы вот так человек с лампой прошел по улице и ничего не случилось – но только не у нас. Это в каком-то другом мире, может, в мире, где не лампы выгуливают людей, а люди выгуливают лампы, не знаю я...

Почему Китай...

А мне снится Китай.

Почему мне снится Китай, спрашиваю я.

Почему.

Это тем более странно, что я никогда не был в Китае, я не знаю, какой он – Китай, я не могу ничего знать про Китай. А ведь снится, – цветущие вишни, причудливые дворцы, чирикающие заросли бамбука, удивительные монеты с квадратными отверстиями, люди в нарядных одеждах, сидящие на циновках, и у каждого человека в руке веер, это если лето, и жара, а когда наступают зимние холода, в больших залах разводят очаги, и свет и тепло очагов не доходит до высоких потолков, где скапливается тьма, и люди рассказывают друг другу жуткие истории про чудовище, которое сидит там, в темноте под потолком и пьет тепло и свет.

Почему мне снится Китай, спрашиваю я, ведь я никогда не был в Китае, я не могу знать всего этого. Тем более – почему мне снится империя Цзинь, ведь даже если я поеду туда, где Китай, я все равно не увижу никакую империю Цзинь, потому что её нет, и разница между нами во времени – века и века. Я пытаюсь объяснить сну, что он не по адресу – сон не понимает, приходит снова и снова.

Почему, спрашиваю я.

Почему.

Я терпеливо втолковываю сну, что империя Цзинь появится только через много-много веков, – сон продолжает упорствовать.

Я напоминаю, что между мной и империей Цзинь миллионы лет, и еще должна остыть раскаленная земля, и первая жизнь должна проклюнуться на берегу моря, и трава должна подняться к солнцу, и дикие звери должны выйти из леса в неприятную степь... много чего должно случиться, прежде чем появятся причудливые дворцы и люди с веерами в жаркий полдень...

Я объясняю сну, что даже если очень-очень захочу, то все равно не смогу добраться до Китая – он слишком далеко. Я не могу преодолеть миллиарды световых лет, – даже если я буду двигаться со скоростью света, я доберусь до Китая, когда уже не будет не только Китая, но и самой земли, и даже солнца не будет. Я уже не говорю о том, что не могу изменить свою орбиту – звезды так не делают.

Почему мне снится Китай, спрашиваю я.

Почему каждую ночь, спрашиваю я.

Почему мне снится, как воинственные племена нападают на цветущие города, почему мне снится, как пылают заросли вишни, стебли бамбука, как враги штурмуют крепости, которые казались неприступными.

Почему, спрашиваю я, ведь я ничего не смогу сделать, я никак не могу предупредить страну, где в зимние холода зажигают очаги, и их свет не может дойти до темноты потолков.

Почему мне снится Китай, которого еще нет.

Я не понимаю, почему они не видят, не знают, что будет с ними дальше – удивительные существа, они живут так, как будто не помнят, что будет завтра, но при этом каким-то неведомым образом могут предвидеть то, что было с ними вчера.

Я пытаюсь предупредить народ, которого еще нет, я посылаю им вспышки – бесконечно издалека, я пытаюсь распознать их язык, тайные знаки – знак воды, знак дерева, знак солнца, знак человека. Я посылаю им знаки, – даже не надеюсь, что они поймут.

Они...

Мне самому не верится – когда они видят, когда они понимают, когда придворные астрономы терпеливо вглядываются в мое мерцание, записывают причудливые знаки.

Они возносят хвалы мне – мне, предупредившему о смертельной опасности.

Они жгут жертвенные костры мне – мне, сказавшему им правду.

Они собирают конные войска, надевают доспехи, уходят на север, бряцая оружием, они проливают кровь кочевых народов где-то там, там. Я смотрю на них, я не понимаю, неужели они не видят, чем это кончится, неужели не понимают, что чем больше они будут проливать кровь кочевников, тем быстрее кочевники объединятся в непобедимое войско, которое оставит от Цинь мертвое пепелище...

...нет, они не понимают, что будет дальше. Они как будто не видят завтрашний день – а только день вчерашний. Они взмахивают клинками, оставляют после себя горы трупов – и не понимают, что вскоре могучее войско обрушится на них самих...

...почему мне снится Китай, спрашиваю я.

Я никогда не был в Китае.

Я не могу там быть.

И никакого Китая еще нет, и не будет еще долго-долго.

Так почему, спрашиваю я.

Почему...

Погожий денек

Погожий денек выдался.

Да как не погожий, солнышко-то как пригрело, прямо как летом, вот на солнышко на такое посмотришь, и забудешь, что так-то оно не лето уже, к осени повернуло...

Утром еще тучки были, ну это ничего, утром всегда тучки, а там и солнышко проклюнулось, землю пригрело. Тут-то к солнышку все и потянулось, вон, семечко на землю упало, в землю клюнулось, раскрылось, росточек выпустило. Долго летело семечко, из дальних краев, через галактики, через туманности, упало в землю, проклюнулось.

А солнышко пригревает. Вот уже и потянулась из семечка зеленая поросль, неловко, неуклюже поползла на сушу от морских берегов. Вот и паучищи – большие, длинноногие, – полезли на сушу, переступают неуклюжими ногами, валяются на бок, перебирают лапами, ползут, плетут свои коконы...

Все спешит жить, все к солнышку тянется... Вот и древовидные папоротники оплели землю, вот и загудели крыльями огромные стрекозы. Вот и янтарные леса наклонились над теплым морем, плачут янтарными слезами, будто провожают лето, последний погожий денек. А на залитой солнцем поляне мирно пасутся огромные диплодоки, тянут длиннющие шеи, щиплют сочные листики. Встрепенулись, насторожились, не затаился ли где-нибудь матерый ящер, нет, тихо все, только летает какая-то мелюзга, машет перепончатыми крыльями...

Пригревает солнышко... вот уже и к полудню время пошло, ветерок холодный подул, сдул птеродактилей и трицератопсов, вот уже и тропические леса отступают, юркие обезьяны резвятся по веткам, неловко спускаются с деревьев, поднимаются на задние лапы, смотрят, не затаился ли где саблезубый тигр...

Все жить спешат, все торопятся на солнышке погреться... И жуткие обезьяны – страшные, лысые, без шерсти – вон, из гнезд своих чудных повывлезли, огонь развели, вокруг огня пляшут, солнце славят, мол, ты не забывай нас, дорогое, родное ты наше...

А солнышко пригревает. Конечно, не как летом, так себе, тусклехонько так, но все ничего, жить можно. И живут. К солнышку тянутся, на солнышке греются, вон и город возвели, купола на солнышке сверкают, окна домов хлопают, зайчики пускают, кошки по улицам за зайчиками гоняются...

Греет солнышко. Всех-всех согревает, и пахаря в поле, и корону золотую на голове злого тирана, и шлем полководца, и на мечях блестящих играет солнышко, и в лужах подсыхающей крови там, на руинах когда-то великого города...

Все жить спешат, все торопятся, деньков-то погожих осталось, раз два и обчелся, а сколько всего недоделали, недопобедили, недоспорили, недостроили, недоцеловали, недоказнили, недоубивали, недопредавали, недомыслили, недоизобрели, недо... И знают – не успеют уже, а все надеются, урвать денечек, другой, сколько их там осталось, да мне немного надо, я же тут чуть-чуть недодумал над искривлением пространства-времени, мне бы... Да мне немного, мне дайте эту империю на востоке разгромить, я уж сколько жизней над ней воюю... да мне бы только женщину мою найти, ну такую... ну, знаете... ну... Нам еще столько сказать друг другу надо, ну... ну не знаю, что... но надо...

А день к вечеру клонится, что вы хотели, чай не лето уже... И ветра-то холодные дуют, и океаны мерзнут, раньше еще ледоколы какие-то пускали, теперь плюнули на это дело...

Холодает к вечеру, чай не лето уже, что же вы хотели, звезд во вселенной осталось, всего ничего, а планет и того меньше, и холод подступает, еле-еле греет последнее солнышко. И фабрики солнечные батареи распускают, к солнышку тянутся, ловят последние лучики. У кого фабрика, у того и солнышко, у кого солнышко, у того и жизнь, там тепло, туда рвутся, как

в рай, а в иной старый город зайдешь, страшно так, дома, снегом заметенные, кости на улицах, в квартирах заочневшие тела...

К закату идет солнышко, вот уже и тени по земле поползли, вот уже и птицы, и звери к югу тянутся, где еще тепло, а что тепло, скоро, глядишь, и там солнышко скроется, люди бункеры роют, прячутся, распускаются на замерзших полях солнечные батареи, ловят тепло...

Заходит солнышко, тает солнышко, вспыхнуло напоследок, опалило землю – погасло, сжалось красным карликом. А что вы хотели, осень уже, к зиме дело близится. И вселенная остыла, и солнышко свое отгорело, и на остывшей земле люди жгут последние крупички тепла, у кого тепло, тот в бункере сидит, у кого нет тепла, тот бункер штурмует, так и живут. Вот и отшельники собрались в остывающем подземелье, молятся кому-то, сами не знают, кому, вот и сверкающем зале желтеет, облетает зимний сад, вода в аквариуме покрывается льдом, двое в погонах, в орденах, в шубах, катаются по полу, душат друг друга за последние капли топлива, тянутся к ножичку в углу, кто-то хватается нож первым, кто-то кого-то закалывает, кто-то живет чуть дольше, какая разница...

Ветер поднимает сухое семечко, летит семечко через вселенную, ищет миры, а где, а почему, а как все, а почему все, солнышко, а-у, а мы еще недожили, недодумали, недоевали, недоцеловали, недо... А что хотите, не лето уже, последние теплые денечки стоят, к зиме дело пошло, лето-то коротенькое в этих краях, триллионы лет, а зима долгая-долгая – на вечность...

Цена мертвого города

...нет, ну это неприлично просто.

Да вы сами посудите, это ни в какие ворота не лезет, – орет, как на базаре, возмущается.

Люди сюда отдохнуть пришли, Мертвый Город посмотреть, а он возмущается. Так было бы из-за чего, а то ведь устроил тут скандал, да где это видано, что за хрень такая, на подходе к городу десятерых убить. Ему вежливо объясняют, ну а как вы хотели, таковы обычаи, правила есть правила, вот такие подати на входе в город, десять человек в жертву, вот и камень жертвенный стоит, и топор лежит. А этот возмущается. И главное, что возмущаться-то, не его же в жертву, других совсем – нет, орет, как на базаре, чего орет, люди сюда отдохнуть пришли, полюбоваться тишиной Мертвого Города, а этот скандалит.

Нет, надо было его вообще не пускать, есть же какое-то такое правило, если турист пьяный, или ведет себя как-то не так – гнать его вообще в три шеи, нечего тут скандалы скандалить. Нет, опять орет, надрывается, с гидами перепирается, теперь, видите ли, храм ему не нравится. Что не нравится-то, это же самый прекрасный храм всех времен и народов, а ему не нравится. Ну да, перед тем, как туда пустить людей, их ослепляют, а он как хотел, – чтобы люди красоту эту лицезрели, что ли? Да не достоин глаз человека увидеть такую красоту, вот и ослепляют, что непонятно-то? Не нравится, не ходите. Мало ли, что у вас там заплачено, сами знали, чтобы сюда попасть, надо в рабство себя продать, вот теперь и нечего жаловаться. А вы как хотели, это же вечный город, за него потом всю жизнь расплачиваться будете.

Нет, это уже вообще просто безобразие. Ну, вы сами подумайте, ну куда это годится, что он орет опять, что он орет. Да, чтобы пройти в историческую часть, надо еще сто человек казнить на алтаре. Его, что ли, выбрали? Нет, не выбрали, не пал на него жребий, так чего возмущается-то тогда? Вот люди спокойно на алтарь идут, головы подставляют – молчат, все терпят, все понимают, так надо, чтобы жертвы. Что значит, вам об этом не говорили? Так об этом никому не говорили, знать надо. Что значит, откуда знать надо, откуда-то надо...

Нет, он мало того, что сам возмущается, он еще и других подбивает, ну это уже совсем ни в какие ворота. Начинает ругаться, нам обещали Дворец показать, и где дворец, где, я вас спрашиваю? Ну а что вы хотели, вам обещали дворец, а кто вам обещал, что он будет здесь, в этой реальности? Да, в какой-то реальности на этом месте построен замок, но не в нашей, и что теперь? Да, и другие замки тоже. И храм. И весь город. Да, он где-то там разбросан по реальностям. Нет, никто вас не обманывал, есть город? Есть. А где он есть, это уже не ваши проблемы.

Нет, это уже скандалом попахивает. Выведите его кто-нибудь отсюда. Выведите. Нет, мужчина, вы дальше не пойдете. Да, идут в Капище. Не ваше дело, почему обратно никто не выходит, значит, так надо, чтобы обратно никто не выходил, что непонятно-то? Убирайтесь из города. Убирайтесь. Город не для таких, как вы, город для истинных ценителей прекрасного.

Полиция? Да, нужна ваша помощь. У нас тут скандал. Да, настоящий скандал. Да этот, больной на всю голову, что выдумал, устроил тоже, теперь стоит у врат в город, прогоняет всех, кто хочет войти, да, с ружьем стоит, никого не пускает, орет, опять орет, это все обман, обман, не верьте им, они вас заманивают, а потом...

...нет, не стреляйте в него, так вы совсем туристов отпугнете, если в людей стрелять будете.

Стоп.

И арестовывать не надо.

Ну, отсидит он у вас за нарушение порядка, ну дальше что?

Тут другое что-то надо.

А вот.

Молодой человек... я вижу... вы против города? Ну, не города, ну, этих... которые заманивают...

А вы знаете, кому они приносят жертвы?

А я вам покажу.

Нет, билета не надо, ничего не надо, я вас такими окольными путями проведу, в жизни никто не найдет. Вот сюда, по лестнице, которой нет, к площади, которой нет, и вот видите, все входят в Капище, а один стоит снаружи, кричит что-то...

...да, это он.

Стреляйте.

Стреляйте же, зря, что ли, ружье где-то раздобыли...

Вот так.

Хорошо.

Полиция?

Да, все в порядке.

Он ликвидирован.

Да, сам себя.

Все хорошо.

Итак, уважаемые туристы, сегодня мы с вами отправимся в увлекательное путешествие по Мертвому Городу...

Пророчества мертвой луны

...с самого начала я понимал, что эту парочку ждет непростое будущее, достаточно было взглянуть на их космограммы, чтобы понять – ничего хорошего в их совместной судьбе не предвидится.

Хватало одного того, что у супруга в натальной карте было три солнца, причем в момент его рождения они ухитрились расположиться в созвездиях так, что беспощадно противоречили друг другу – солнце, отвечавшее за добрый и покладистый нрав, перекрывалось солнцем, которое дарует вспыльчивый и неукротимый характер, а ко всему этому добавлялось солнце, которое делало человека странным, себе на уме, – можете представить, какая гремучая смесь получалась в итоге.

И это было бы еще ничего, но в его натальной карте не было ни одной планеты, что делало его характер и судьбу практически непредсказуемыми.

Удивительнее всего было расположение лун: мне доводилось видеть космограммы, в которых было аж двенадцать лун – но чтобы в натальной карте были сто двадцать четыре луны – такого даже я никогда не встречал.

Самое пугающее было то, что эти двадцать четыре луны вращались так, что постоянно располагались в одном и том же созвездии – то есть, его воздействие усиливалось почти в двести раз.

Само созвездие тоже оказалось непростым, это было созвездие, в котором перемешались Телец и Скорпион – мягкий, флегматичный телец смешался со злобным скорпионом, породив невиданное доселе хитросплетение характера и судьбы.

Скорпион мог бы взять верх – но звезд Тельца в созвездии оказалось больше; кроме того, туда же затесались несколько звезд Водолея, что делало характер этого человека совершенно невыносимым.

Когда говорили о нем, то старались не упоминать, что все люди, рожденные под знаком Скорпитела заканчивали свою жизнь трагически.

Вообще у человека с такой натальной картой не было шансов не то, что выбиться в люди, но и вообще найти себе более-менее приличное место под солнцем (солнцами) – но на свою беду он был сыном императора, а от наследника ждали великих свершений, мудрого правления, долгих лет благоденствия для всей страны.

Пару раз поднимались вопросы, а нельзя ли сделать наследником хотя бы второго сына, – но эти разговоры тут же пресекались, о попрании традиций не могло быть и речи.

Натальная карта избранницы моего подопечного приводила меня в еще больший ужас: прежде всего, там не было солнца, самого главного небесного тела, от которого зависел характер и судьба.

Луны тоже не было – что делало составление карты почти невозможным.

Но судьбе и этого показалось мало, судьба как будто насмеялась над девушкой, – в её космограмме оказалось сто пятьдесят планет – именно столько планет-сирот летело по пустоте космоса, обогреваясь каждая теплом своего ядра.

Однако, выявить, в каком знаке находились планеты в момент её рождения, было невозможно – ведь зодиакальный круг был так бесконечно далеко от её планеты, что сливался в едва различимую звездочку на ночном небе – так что сто сорок девять планет оказались вне созвездий, и только одна планета оказалась во всех созвездиях сразу.

Как можно было трактовать этот гороскоп, никто даже не мог представить – больше всего хотелось отмахнуться и сказать, что в этом нет ничего страшного – но все понимали, что подобная космограмма не сулит ничего хорошего.

Сама же избранница наследника вовсе не понимала, о чем идет речь, – там, где она родилась, вообще ничего не знали про таинство астрологии, она с удивлением внимала рассказам о созвездиях и небесных телах.

Я рассказываю об этой странной паре так подробно, потому что моя судьба оказалась неразрывно связана с их судьбами, – в тот час, когда молодой наследник заявил, что во что бы то ни стало, женится на своей невесте, и более того – покинет родные края, чтобы основать новую колонию на неведомой земле: в качестве свадебного подарка император отдал молодой паре меня.

Жители страны облегченно вздохнули – теперь на престол должна была подняться дочь императора, женщина мудрая и рассудительная – младший сын не пожелал обременять себя государственными делами.

Мне далеко не нравился подобный поворот событий, хотя моя натальная карта предсказывала мне большие проблемы ближе к трехсотому году моей жизни, – и карта не ошиблась, новый хозяин заточил меня в башне, откуда было видно только звездное небо.

Но на этом мои злключения не кончились, а только начались, потому что над своей головой я встретил не виданные доселе звезды, у которых даже не было имен.

Я тщетно пытался сложить хоть какие-то созвездия из рисунка звездного неба – но кто я был такой, чтобы брать на себя столь великую и сложную задачу?

Моя фантазия подсказывала мне удивительные рисунки из звезд, я давал им имена – Странник, Летящий, Экран, Передатчик, Голова Собаки На Стебле Розы – но все это казалось мне ложным и недостоверным.

Мне казалось, что где-то есть истинное знание, подлинная информация о том, какие созвездия живут в этих небесах, как они влияют на судьбы – но звезды оставались немые к моим мольбам, как и безымянное солнце (позже его назвали Арагх).

Я умолял своего господина отправить людей на поиски остатков хоть какой-нибудь цивилизации, которая была здесь до нас, от которой сохранились какие-нибудь каменные святилища, испещренные тайными знаками, где солнце в назначенный день и час поднимается через центральные ворота, и его первый луч падает на жертвенный алтарь, – но новая земля была пустынна и мертва, до нас здесь никого не было.

Я составлял космограммы – методом проб и ошибок, я терпеливо выслушивал от хозяина угрозы растерзать меня на куски, я снова пробовал, снова ошибался, начинал понимать.

Когда у императорской четы родился первенец – я уже не ошибся, я предсказал его судьбу с точностью, какой сам от себя не ожидал, я предвидел даже падение с дерева на десятом году жизни и первую неудачную любовь в девятнадцать лет.

И уже никто не сомневался, что первенец станет достойным преемником императора, когда придет время.

Я был настолько уверен в своей правоте, что даже не попытался что-то проверить – и это было моей самой роковой ошибкой: я спохватился только сто лет спустя, когда наследник уже успел взойти на престол, и на следующий день мощный ураган обрушился на пустыню далеко на севере – звезды не предупредили об этом.

Я стал понимать, что не учел чего-то чрезвычайно важного – но напрасно я изучал звездное небо, оно оставалось таким же безмолвным.

Разгадка пришла оттуда, откуда я её не ждал – когда я посмотрел на карту земли, на которой мы жили, когда я увидел горную цепь, что замыкалась в исполинское кольцо.

Луна, сказал я себе.

Луна.

Я появился через тысячи лет после того, как это случилось, я не мог видеть этого, но все-таки перед моим мысленным взором промелькнули бесконечно давние события – огромный спутник падает на планету, сотрясая до самого основания...

Луна, сказал я себе.

Луна.

Будет ли влиять луна на натальные карты, если она упала с небес на землю, спрашивал я – и не находил ответа.

Я перерисовывал космограммы, добавляя туда луну – натальные карты становились удивительно точными, теперь я понимал, чего им не хватало все это время.

И я даже не испугался, когда карты сказали мне, что новый правитель приведет страну к величайшему краху, после которого останутся только руины, засыпанные песком.

Если властитель догадается, что мертвая луна раскрыла мне его тайны, – он убьет меня, убьет окончательно и бесповоротно, а не как несколько раз до этого – убивал, потом спохватывался, оживлял снова...

...так что вся надежда на вас, кто бы вы ни были – умоляю, спуститесь из башни, предупредите людей, пока не случилось непоправимого...

...хотя стоп....

...я смотрю на звезды – он повернул меня так, что я могу видеть только звездное небо, – я вижу небо, потерявшее больше половины своих звезд, я вижу созвездия, переменившиеся до неузнаваемости, я считаю, сколько миллионов лет прошло с тех пор, когда мой господин в гневе обесточил меня, боясь, что я расскажу кому-то правду...

Я еще не знаю, кто вы, – я только знаю, что там, за окнами башни остались только мертвые руины, засыпанные песком, и тусклый свет звездного неба озаряет остатки тронного зала, где лежат истлевшие кости повелителя мира...

Напишите о себе...

Задание 5. Напишите сочинение о себе, о своей семье.

Меня зовут Щ, мне шестнадцать лет, у меня две души. Одна душа моя, другая досталась мне в наследство от дядюшки. На ней даже выгравирована дарственная надпись, дорогому Щ от любящего Ч. У нас в семье традиция давать детям имена по буквам алфавита начиная от доблестного рыцаря А – еще во времена, когда наш замок только был построен, и заканчивая пока мной. Думаю, как я назову своего сына, неужели ему придется именоваться Твердым Знаком, или можно пропустить эту троицу – Ъ, Ы, Ь, ну или хотя бы два из них, Ъ и Ь.

Мы живем в замке, наш замок расположен...

...нет, нет, не об этом хочется писать, не об этом, а о том, что у меня две души. И я считаю, что это неправильно и несправедливо, потому что у всех душа одна, а у меня две. Это опять же традиция нашей семьи – когда кто-нибудь из членов семьи умирает, его душа подселается к кому-то другому. Так душа покойной прапрабабушки Ф перешла к моей матери Ш. Но меньше всего повезло моему дедушке Ц, у которого помимо собственной души живет душа нашего прародителя А. Из-за этого-то прародителя Ц постоянно вляпывался в какие-нибудь проблемы, например, битый час искал, где достать лошадь, чтобы добраться в столицу, а потом скакал верхом день-деньской, и только потом спохватился, что в мире есть самолеты. Так что с этими старыми душами одни проблемы, а то и похуже. Вот у нас был предок Е, он и вовсе такое учудил, страшно сказать. Он тоже жил в чьем-то теле, в наше время, в наши дни, с кем-то поссорился, вызвал на дуэль, его и закололи насмерть...

А мы живем в замке. Мы – это я...

...в полночь, говорю я себе.

В полночь все случится.

Мне обещали.

Случится.

Все.

Мне сказали, что он уйдет, просто уйдет, – но мне кажется, за этим «просто уйдет» скрывается что-то большее, что чья-то душа не может просто так встать и уйти, что произойдет что-то более страшное, что....

...не думать.

Не чувствовать, – иначе он догадается, что должно произойти.

От нечего делать перебираю бумаги в столе, фотографии Ч, редкие записи – застрелился в возрасте тридцати лет... Меня передергивает, какого черта, он сам не захотел жить, так какого ж хрена его подселили в мое сознание, я-то какого черта с ним париться должен...

В полночь, говорю я себе.

В полночь.

– ...у меня плохие новости...

– Боже мой, что такое... Доктор, вы мне только одно скажите, с ребенком все хорошо будет?

– Вот как раз нет...

– Да... да вы что? Боже мой...

– У него... понимаете, у него недостаточно души...

– Недостаточно? Это... это как?

– Ну... недостаточно, чтобы жить...

- Слушайте, я вас умоляю...
- ...к сожалению, ничего сделать нельзя.
- Доктор, я вам любые деньги...
- Да вы поймите, деньги здесь не помогут, здесь вообще ничего не поможет...

- ...нормально все будет.
- Ну что ты такое говоришь, Ч, какое еще нормально...
- Такое нормально... будет жить.
- Без души? Ты хоть думаешь, что говоришь вообще?
- Мою душу возьмет.
- Слушай, ну это когда еще будет-то, ты же...
- Ч! Ч, ты куда...

– ... Ч? Ай-й-й-й-й!

– ...алло... полиция?

- ...я хлопок услышала, в комнату к нему поднялась... а он уже мертвый лежал...
- Вы трогали тело?
- Н-нет... а надо было?
- Ни в коем случае. В доме были вы, ваш умерший брат, и...
- ...и мой сын, Щ...
- Я могу его допросить?
- Ну как вы его допросите, он вчера родился...
- А, да... простите...

...причиной смерти назван суицид...

...в полночь, говорю я себе.

В полночь.

Потому что нечего тут.

Вот вообще нечего, и все тут. Сам решил уйти из жизни, вот и уходи, какого хрена ты передумал и присосался ко мне, как пиявка, как клещ...

Стрелки часов соединяются.

Расходятся.

Расходятся стрелки, расходимся мы с тем, кто не отпускал меня все это время – расходимся дальше, дальше, в бесконечность.

Я еще слышу его, он пытается до меня докричаться, остановись, не надо, послушай – я не хочу ничего слушать, я отключаюсь от него, бесповоротно, окончательно...

...смерть наступила в результате того, что у покойного не доставало души для поддержания жизни. Каким образом он существовал до этого, остается загадкой...

Стать городом

– ...вы хотите стать каким-то конкретным городом?

– Ну, нет... – человек мнется, теряется, – я не знаю...

Оживляюсь. Вот таким я и помогаю, которые еще не знают, которые только смутно представляют себе, какими городами они хотят быть – и нужно помочь, и нужно показать человеку, что такое вообще – город, как это – город, какие они бывают, города, а то так вот живет человек, смотрит на города, и не видит, какие они вообще...

– Ну вот, посмотрите, Прага... а вот это вот Острава... Либерец... Вот, Варшава, например... хотите быть Варшавой?

– М-м-м-м...

– Что такое?

– А можно так, чтобы немножко Варшавой, немножко Прагой, еще немножко Островой и Зальцбургом?

Мысленно киваю сам себе, ага, наконец-то догадался. Вот это в моей работе главное, чтобы человек сам догадался, что может стать не одним-единственным городом, а может от каждого города взять по чуть-чуть, составить что-то свое...

– Конечно, можно. Давайте еще посмотрим, вы видели не все города...

Я должен показать ему все, все, обязательно, и мосты Праги, и башенки Вены, и розы на балконах Парижа, и плющ на стенах Дорсета, красный по осени, и причудливые часы Йорка, и...

Он должен увидеть все.

Все.

Это моя задача – из кусочков, из осколков, из обрывков помочь человеку составить город, его город, тот город, которым он станет. А ведь это еще не все, дальше пойдут мимолетные, едва различимые нюансы, хочет ли он рассветный холодок Кентберри или полуденный зной Клагенфурта, или дождливый вечер в Вильнюсе, когда осень окончательно вступила в свои права.

Такая работа.

Помочь человеку стать городом.

Так что я вам сразу говорю, если хотите городом – это только ко мне. Вы не ведитесь на яркие рекламы, разноцветные вывески, скидки, индивидуальный подход – врут они все, сунут вам какой попало город, а он, может, и подходит вам, как пятое седло корове... Так что за городами это только ко мне, со мной не ошибетесь, точно не ошибетесь...

...я останавливаю машину на холме, я помогаю выбраться из машины человеку, который уже почти не человек, осторожно укладываю его на траву, бормочу что-то утешительное, это я умею. Работа такая, быть с человеком в последние минуты, проследить, чтобы превратился в город, да не как-нибудь, а как надо, со всеми закоулками, со всеми легендами, воспоминаниями, с осенним дождем на площади, с ветром, сорвавшим листья с каштана возле старой церкви, с месяцем, который зацепился за шпиль...

Что-то не так, говорю я себе.

Еще не понимаю, что именно, но чувствую – что-то не так.

Здесь.

Сейчас.

Настолько не так, что хочется уйти, не просто уйти – убежать, здесь, сейчас, бросить человека, самому броситься прочь, и пропади оно все пропадом, пропади, пропади, пропади.

Не бросаю.

Я должен довести дело до конца.

Должен, говорю я себе.

Терпеливо выстраиваю кварталы, окна домов, черепицу крыш, изгибы вывесок, свет фонарей, смотрю, как трансформируется живая плоть, как сухожилия вытягиваются в причудливые каркасы зданий, как сетка кровеносных сосудов растекается причудливым лабиринтом рек и каналов, как нервная система расстилается улицами, как туманом расползаются по улицам недосмотренные сны, как в витражные окна вместо стеклышек встраиваются несбывшиеся мечты, как глаза – зеркало души – растекаются циферблатами на ратуше...

И все-таки с этим городом что-то очень и очень не так, понять бы еще, что не так. Нет, не понимаю, город кажется обычным городом, каких множество – на холмах, на пустырях, на лугах.

Я жду.

Часы на ратуше отбивают полночь.

Получилось, говорю я себе. Получилось.

Отступаю на шаг назад.

Кланяюсь городу.

Ухожу. Медленно, плавно, со всем почтением к усопшему, сколько ему там было, вроде, девяносто восемь, большой срок.

Когда вы умрете, вы станете городом.

Если захотите.

Я помогу вам, я сделаю вас таким городом, каким вы захотите. Так я говорю тем, кто приходит ко мне. Хотя правильнее будет сказать – сделаю таким городом, каким захочет сам город.

...и все-таки меня не оставляет мысль...

...смотрю на фото.

Мир обрывается.

С трудом выжимаю из себя:

– Д-да... я знаю этого человека...

– Вы...

– ...сделал его городом. Вот, договор, пожалуйста... на добровольной основе...

– Вы... что вы с ним сделали?

Нет, не отстает полиция, не отстает, черт побери, что надо-то, что непонятно-то, неужели сволочь какая-то наклеветала, много их, сволочей, завидуют, бесятся, что так вот не могут, как я, сделать человека не абы каким городом, а – Городом, вот и бесятся, вот и...

Чеканю слова.

– Я. Помог. Ему. Стать. Городом.

– Да?

– Именно так. А...

– ...а как вы объясните, что он ушел?

Мне кажется, я ослышался:

– К-куда ушел?

– Это у вас надо спрашивать, куда...

Даже не говорю, что у меня спрашивать бесполезно.

...беспрецедентный случай, когда трансформация прошла не до конца, и человек, так и не ставший городом...

– ...если вы мне его не найдете, я не знаю, что я с вами сделаю, – он говорит медленно, с расстановкой, я понимаю, что дело серьезное.

Человек.

Человек, который не стал городом....

– ...он убит.

– А?

– Убит, – показываю искореженный кусок того, что так и не стало до конца городом.

– ...вы его...

– ...да.

Рушится мир, выжидаю – секунды растягиваются в миллиарды лет...

– А вы молодец, – человек в форме довольно кивает, – подбили...

Ёкает сердце, так я и думал, что они хотят его убить...

– ...если еще раз такое будет, вы не ждите, вы сразу такое убирайте...

Киваю, сразу так сразу.

– ...мы-то все понимаем, работа у вас сложная, целый город из человека сделать... всякое случается.

Хочу добавить – всякое, тут же спохватываюсь:

– Ну, мы постоянно улучшаем качество, мы следим, чтобы ничего такого...

...нет, еще не сейчас, говорю я.

Он еще ни о чем не спрашивает, я уже отвечаю – еще не сейчас.

Подождать. Еще день, еще два, еще неделю, еще месяц. Когда все утихнет, когда уползут слухи про чудовищные полумертвые города, которые бродят по лесу.

Мы сидим на веранде, пьем чай. Мне странно, что город может пить чай. Городу не странно. Городу вообще ничего не странно, а вот мне странно все, так много нужно спросить у города, но не сейчас, еще не сейчас...

Завтра не будет

Делаю еще несколько шагов.

С трудом.

Не сегодня, – прошу я, – не сегодня.

Уже понимаю, что он не согласится.

«Сегодня, – говорит он, – сейчас».

Делать нечего, иду в никуда вдоль моря, по дороге, которая не собирается кончаться. Тщетно высматриваю что-то там, бесконечно далеко – нет, ничего, гладь моря.

Не верю себе, когда добираюсь до крепости – мне не нравится, я разочарован, я ждал большего, – чего-то невероятно прекрасного, сводящего с ума своим великолепием – нет, ничего особенного, крепость как крепость.

«Смотри, смотри, – не унимается он, – да ты дальше пройди, там арка, а за ней витражи...»

Прохожу туда, где арка и витражи, щелкаю телефоном – еще, еще, еще, еще.

«Да оставь ты телефон, оставь... глазами смотри... запоминай...»

Я уже не спорю с ним, я смотрю глазами и запоминаю. Каждую арку, каждый изгиб колонны, каждый блик на витражах.

Он позволяет мне отдохнуть – мало, слишком мало, снова поднимает меня, снова гонит в никуда, на этот раз – на вокзал, куда теперь, в какую еще Черногорию...

«Смотри, – не отстает он, – смотри».

Я уже понимаю – не может быть никаких «можно не сейчас», никаких «можно потом», он погонит меня дальше, дальше, по странам, по городам, а в Исландии сейчас солнце заходит в полночь, и светит на водопады, ты это должен увидеть, обязательно...

На станции он говорит мне не садиться во второй вагон, – я даже не спрашиваю, что там во втором вагоне, я уже знаю – лучше не садиться. Устраиваюсь в третьем вагоне, как он велел, он не отстает, смотри, смотри, тут сейчас такие деревья будут, закачаешься, а потом замок в скале...

Я уже не спрашиваю его, почему нужно смотреть скорей-скорей сейчас-сейчас. Я уже не спрашиваю, что случится потом, – судя по всему, очень скоро, просто до черта скоро, когда я уже не смогу увидеть все это...

Я не спрашиваю его, что случится.

Уже не спрашиваю.

Я уже знаю – он не ответит.

И почему-то мне уже не страшно.

Страшно мне становится потом – когда он говорит мне остановиться на лугу, пройти по траве, нет, там дальше нет никакого замка, и ничего нет, ты просто стой и смотри, как шелестит на ветру трава, залитая солнцем, как носятся высоко в небе юркие ласточки.

Я не выдерживаю, я отвечаю, что такие вещи можно посмотреть и дома, можно подумать, в Воронеже травы нет, и ласточек, а здесь уж давай города, и все такое...

Вот здесь мне и становится страшно.

Когда он говорит – надо сейчас.

Здесь я уже не выдерживаю, я спрашиваю, что дальше случится с травой, с солнцем, с ласточками – он не отвечает. До меня долетают только какие-то уклончивые обрывки мыслей, что ему нельзя говорить такие вещи.

Он...

Ловлю себя на том, что по-прежнему называю его он, хотя никакой он не он, а самый что ни на есть я.

Вечером в гостинице я ненадолго успокаиваюсь, – начинаю верить, что беда случится со мной, только со мной, какая-нибудь авария, болезнь какая-нибудь, ну мало ли какие есть болезни – тут же спохватываюсь, если бы он, то есть я, умер, он, то есть, я, уже ничего не говорил бы оттуда, из завтра. Осторожно спрашиваю его (меня), видел ли он сегодня других людей. Он не отвечает.

Что случится, спрашиваю я его, что, черт возьми, произойдет. Почему нужно – сейчас, почему нельзя потом, почему не будет никакого потом, нет, не пойду я ни на какую гору, пока не скажешь мне, черт возьми, что случилось...

Он уходит.

Молча.

Просто.

Вот так.

Я больше не слышу его голоса из ниоткуда, он больше ничего мне не подсказывает, – и от этого страшно, так же страшно, как было в тот раз, когда я впервые его услышал.

Я иду на гору. Я понимаю, что надо идти на гору, идти сейчас, потому что потом чего-то не будет, или меня, или горы, или всех нас вместе, или...

Охота зайца

Эйкин Драм прицеливается, выскивает среди холмов неуловимого зайца – нет, нигде не мелькнет заяц, затаился заяц, как будто и нет его, но Эйкин чувствует – он здесь, он рядом, подкарауливает, выслеживает, смеется над Эйкиным, – ну ничего, у-у-ух, Эйкин Драм его подстрелит...

Эйкин Драм спускается с холма, оглядывает серую пустыню – что-то мелькает на горизонте, заяц ли, не-ет, не заяц, тут другое что-то, да что другое, заяц и есть, то тут, то там, мелькает, прыгает на границе света и тени.

Чер-р-рт...

Эйкин Драм вскидывает ружье, целится, стреляет – в пустоту.

Промазал.

Промазал, черт побери, промазал.

Снова мелькает заяц где-то там, там.

Эйкин Драм сжимает зубы.

Ничего, он доберется до зайца... доберется... обязательно...

Заяц прицеливается, выскивает среди холмов неуловимого Эйкина Драма – нет, нигде не мелькнет Драм, затаился Драм, как будто и нет его, но заяц чувствует – он здесь, он рядом, подкарауливает, выслеживает, смеется над зайцем, – ну ничего, у-у-ух, заяц его подстрелит...

Заяц спускается с холма, оглядывает серую пустыню – что-то мелькает на горизонте, Эйкин ли, не-ет, не Эйкин, тут другое что-то, да что другое, Эйкин и есть, то тут, то там, мелькает, прыгает на границе света и тени.

Чер-р-рт...

Заяц вскидывает ружье, целится, стреляет – в пустоту.

Промазал.

Промазал, черт побери, промазал.

Снова мелькает Эйкин Драм где-то там, там.

Заяц сжимает зубы.

Ничего, он доберется до Эйкина Драма... доберется... обязательно...

Эйкин Драм спускается по склону кратера, оглядывает Море Спокойствия – ему кажется, что заяц затаился где-то тут, да что – кажется, не так-то просто найти серебристого зайца на серебристой луне. А надо искать, надо выхватывать взглядом малейшие мелькания, стрелять – но так, чтобы наверняка, патроны тоже не бесконечные...

...выстрел.

Эйкин Драм падает, зажимает простреленное плечо, чер-р-р-рт, опередил заяц, опередил...

Заяц спускается по склону кратера, оглядывает Море Спокойствия – ему кажется, что Эйкин Драм затаился где-то тут, да что – кажется, не так-то просто найти серебристого Эйкина на серебристой луне. А надо искать, надо выхватывать взглядом малейшие мелькания, стрелять – но так, чтобы наверняка, патроны тоже не бесконечные...

...выстрел.

Заяц падает, зажимает простреленную лапу, чер-р-р-рт, опередил Эйкин, опередил...

Ничего, Эйкин Драм зайца добьет, обязательно добьет, луна будет его, Эйкина, а не зайца.

...зайцева, а не Эйкина. Потому что луна должна принадлежать кому-то одному...

Эйкин переводит дух, прячется за извилистой кромкой кратера, вспоминает те времена...

...те времена, когда не спрашивали, чья луна, когда даже мысли не было, что луна может быть чья-то, луна, она сама своя, луна, она и есть луна. В те времена, когда собирались вместе, ели блинчики с сюртука Эйкина Драма, ветчину из штанов, коржики, пили травяные настои, заботливо приготовленные лунным зайцем...

Это было как будто бесконечно давно.

И не с ними, совершенно не с ними, как будто бы с кем-то другим...

Почему, спрашивает себя Эйкин Драм.

Почему.

Выстрелы.

Там, вдалеке, как будто на обратной стороне луны.

Это уже не Эйкин Драм.

И не заяц.

Это уже те, другие, которые там, которые стреляют, – беззвучно, потому что здесь нет атмосферы, только дрожит луна, разрываемая снарядами, взмывает в пустоту лунная пыль, оседает медленно-медленно...

Почему, спрашивает себя заяц.

Почему.

...в древнекитайской поэзии, в частности, упоминается заяц, который живет на луне в лунном дворце – этот заяц знает секрет лекарства, которое дарует бессмертие...

...изначально встречается в начале XVIII века, в более поздние времена XIX песенка претерпела множество изменений, появилось много вариантов текста про человечка на луне. Где-то он упоминается, как Эйкин Драм, в других источниках...

...продолжаются споры о том, кому должна принадлежать Луна, ни одна из сторон не хочет уступать...

...Эйкин Драм спохватывается, понимает, что делать, поворачивается туда, где стреляют, целится...

...где стреляют, целится...

...продолжается расследование убийства руководителей крупнейших держав, удивительно, что оба были убиты в одно и то же время в противоположных точках Земли...

Новости дня

...здесь надо кричать от боли.

Надо.

Кричать.

От боли.

Крик не получается, переходит в жалобный хрип.

Смотрю на то, что было моими ногами, на то, что осталось от ног. По щиколотку, говорю я себе. Нет, выше, говорю я себе. Авария, говорю я себе. Нет, какая, к чертовым свиньям авария, если я здесь, на конференции, да нет уже никакой конференции, пустой зал...

...кровь, кровь, кровь, кровящица, холод, замерзшие мысли путаются, стучат зубами, кутаются в остатки сознания. Дальше все как во сне, рвать рубашку на мелкие полосы, жгут, жгут, как его делать, этот чертов жгут, почему-то не к месту и не ко времени вспоминается, почему была куплена рубашка, к черту, к черту, все к черту, жгут, обмотать, вот так...

...вроде получилось, говорю я себе, получилось, перестало хлестать, как из сорванного крана. Хочется выть от боли, скулить, чувствую соленые потоки на лице, хорошо, что никто не видит.

Оглядеться. Спросить себя, почему вижу не весь зал, только кусочек зала, стены обрываются в пустоту, даже не в пустоту, а не пойми во что...

Прислушаться. Сдавленный стон, хрип, где-то тут, совсем рядом. Ползу в ту сторону, уже понимаю, я не один такой, еще кто-то пострадал, понять бы еще, что случилось, взорвалось что-то, или еще что похуже...

– По... мо...

Голос откуда-то ниоткуда.

– Иду, иду, – ползу туда, волоку за собой остатки рубашки, чувствую, она мне еще понадобится.

– По... мо... ги... те...

– Счас, счас, иду уже... – пространство, наконец, приотпускает, показывает мне еще один кусок себя, какой-то до черта знакомый кусок, тощего парня на траве, а молодец, уже перевязал себе ноги, сделал жгуты, как положено...

– Пи-и-ить...

– Счас, счас, – возвращаюсь в то, что было конференц-залом, хватаю со стола бутылку с водой, волоку туда, где трава, с трудом открываю крышку, окровавленные пальцы беспомощно скользят, кое-как помогаю себе тряпками, которые остались от рубашки, вот так, готово, пей, пей, он жадно выхлебывает всю воду, он жадно смотрит на меня, где еще, – еще у меня нет, я тебе что, магазин Аква-Дринк, что ли...

– Спа... си...

– ...не за что, – я смотрю на него, на военную форму бесконечно далеких времен, я приглядываюсь – я не хочу приглядываться, а приглядываюсь, чтобы увидеть самого себя, каким я был бесконечно давно.

Бесконечно много лет назад.

Когда была военная форма, и трава, залитая кровью, и надо было прятать голову, вот так, да, чтобы не прилетел снаряд, и я успокаиваю себя, что никаких снарядов здесь нет, ты посмотри, просто земля и трава, и все, и небо чистое, и все хорошо... Ну хочешь, в укрытие поползем, то есть, в зал, и вот, вода тут еще есть... стоп, какого черта здесь есть вода, я же только что взял её со стола, а вот же опять стоит, что за чертовщина...

– Эй, – кричу в пустоту зала, – есть тут кто?

Тишина молчит, я уже и сам понимаю, что кроме нас двоих тут никого нет, что некому было принести воду. Мой разум все еще отказывается осознать, что воду никто не приносил, что она просто появилась точненько на том же месте, где была раньше. Так не бывает, говорю я себе, так не положено, воду приносят и ставят на стол, она не появляется из ниоткуда. В отчаянии хватаю бутылку, выпиваю залпом, отбрасываю – не в зал, а в пустоту, где обрывается зал. Краем глаза замечаю, как на столе появляется еще одна. Это хорошо, можно смыть кровь, и умыться, и умыться второго себя, вон он какой грязный...

– С-спасибо... – второй я с наслаждением умывается, вытирается остатками моей рубашки, называет свое (мое) имя, – а как вас зовут?

Понимаю, что он ничего не знает, что он – это я, он не может этого знать, более того, – он и не поверит, и не поймет, хотя...

Я говорю ему – про него самого, про себя самого, про детские страхи, про детские тайны, известные только нам одним, про выбитые зубы, там, на холме, велосипед, помнишь, а мотылек в свете ночника, а тень его крыльев на стене, и ты испугался, помнишь?

Снова сжимаю зубы от боли. А ведь еще столько нужно рассказать, что война кончится, что кому она вообще нужна на хрен, эта война, что тебя (то есть, меня) обманули, обманули, развели, как лоха, а потом все кончится, а потом тебе будет стыдно за то, что ты делал, очень стыдно, а потом будет еще много чего, компьютерные технологии (он, то есть, я, еще не знаю, что это такое), а потом будет все по-другому, уже потом, через тридцать лет, и будет конференция, где я буду выступать, и фраза оборвется на полпути, и я буду кричать от боли, и будет кровь, много крови...

Кладу руку ему (себе) на плечо, как много мне нужно ему сказать, что теперь у нас (у него, у меня) все будет хорошо, и не будет войны, потому что она осталась где-то там, бесконечно далеко, я ему (себе) куплю компьютер, будем сайты верстать, будем еще делать что-нибудь такое, чего в те времена не было, или невозможно было из-за войны, что-то такое, про что сейчас говорят, дурью маяться, что-то такое...

– ...раненные есть?

– А?

– Есть, говорю...

...человек не договаривает, откуда он взялся, этот человек, целехонький, здоровехонький, в скафандре, нет, это не скафандр, это медицинское что-то, он наклоняется, а-а-а, нет, не надо, не трогай, не трогай, б-больно, чер-р-рт, что такое, какие, на хрен, протезы... человек в белом выпрямляется, хочет уйти, я понимаю, что он сейчас уйдет, совсем уйдет, и не видать мне протезов, как своих ушей, стойте-стойте-стойте... врач (я уже понимаю, что это врач) уходит.

Чер-р-р-рт...

– Он вернется.

– А?

Смотрю на еще одного, вот опять, откуда он взялся, в строгом костюме, тоже целе... нет, не целехонький, руки выше локтя нет, и перевязана, – он идет к нам, бормочет что-то утешительное, ну парни, ну вы перевязаны уже, не помрете, молодцом держитесь, а там, может, люди вообще кровью истекают... ой, водичка у вас есть, хорошо-то как, когда водичка, да что вы на меня так смотрите, на всех, что ли, не хватит? И вообще, ползти можете или как? Давайте-ка потихонечку, поползли, ручки-то у вас целехонькие, перевязки там делать будете, если что...

Ползем. У меня, который моложе, начинает подкравливать левая нога, человек в костюме тут же одергивает меня, тпру, парень, стой, тут лежи, и ногу вот так, повыше, и все хорошо будет... а с тобой пошли, давай, там, может, кто еще жив...

– ...никого там нет.

Это снова тот, в белом, возвращается откуда-то ниоткуда, качает головой, обреченно, растерянно:

– Там никого нет...

Хочет добавить что-то, мучительно сглатывает.

– ...там одни трупы... головы одни... отрубленные... один человек пополам разрублен, жуть такая...

– Сколько нас тут? – спрашивает человек в костюме.

– Шестеро, получается... мы с вами, вот парень, с ним мужик, – показывает на меня и меня, – и там еще муж и жена...

Из ниоткуда появляются мужчина и женщина, волокут блюдо с жареной курицей, еще что-то съестное, говорят наперебой, а как хорошо, а мы там целый стол нашли, а там еда, а мы курицу забрали, а там тут же новая появилась, а здорово так, только воды там нет...

Спохватываюсь, хочу сказать, что есть вода, есть, вот же – слова застревают у меня в горле.

Это сон, говорю я себе.

Это сон.

Бредовый, безумный сон.

Слишком хорошо я знаю эту семейную пару, мужчину и женщину в старомодной одежде, они еще улыбаются, они наперебой расхваливают курицу, и еще там что-то, они еще не видят меня (нас)...

...а теперь видят. Нас. Обоих. На меня старого они не обращают внимания, меня старого они не знают, а вот меня молодого узнали сразу, и я их узнал...

Я молодой бледнеет, проступают на щеках синие вены.

– Вы... вы...

Женщина срывается на крик, показывает на молодого меня:

– Это он... это он нас убил!

Человек в костюме вздрагивает, как от удара, поворачивается к мужчине:

– Ваша жена, что...

– ...он нас убил, – повторяет муж, – он...

Хватаюсь за соломинку, пытаюсь хоть как-то спасти ситуацию:

– Слушайте, ничего, что вы живые? Если бы он вас убил, как бы вы живые тут ходили?

Вот вы откуда сейчас?

– С хутора нашего...

– И что? И он к вам пришел на хутор и вас убил?

– Ну не, это уже потом было...

– Когда было?

– Когда война была...

Не отступаю:

– А когда война была?

Женщина хмурится:

– Да... через пару лет...

Стараюсь говорить как можно спокойнее:

– Женщина, вы хоть сами понимаете, что сейчас говорите? Вот вы говорите, что через пару лет война будет, и он к вам на хутор придет, и убьет вас, вы хоть думаете, как это все может быть, вы что, будущее видите?

– Ну... получается... видим...

Не отступаю:

– Ну откуда вы это можете знать, вы сами-то подумайте? Приснилось вам что-то, привиделось, напугались чего-то... вы же живые ходите, как вы можете быть убитые?

Муж и жена успокаиваются, как-то удивительно быстро успокаиваются, начинают наперебой рассказывать, а мы там пляж нашли, там пальмы, там море, там здорово так, а пойдёмте все туда, а там еще машина на берегу стоит непонятно чья...

– ...а ведь вы им наврали... – говорит врач.

Я даже не вздрагиваю. Я уже догадывался, что он скажет это рано или поздно.

– Вы им наврали... это вы их убили... то есть, не вы – вы, а тот вы...

Киваю.

– Убил.

Называю год.

Врач еще раз придирчиво оглядывает мои протезы, недовольно качает головой, так и не понимаю, что это значит, получились, не получились – добавляет:

– Полвека назад, значит...

Меня передергивает.

– Ну что вы, всего тридцать лет прошло, а вы мне про полвека...

– Какие тридцать лет, сейчас же...

Он называет год. Я не верю, я не согласен, сейчас на двадцать лет раньше, хотя... хотя как я могу спорить...

– Встаньте... попробуйте...

Встаю. Пробую.

– Ч-чер-р-рт, б-больно...

– Будет больно. Надо терпеть... давайте... еще шаг... еще...

Смотрю на врача, хочу спросить, что там дальше, там, где он живет, вернее, там, когда он живет. Что-то вертится на языке, что-то нужно придумать, ничего не придумывается, слишком много вопросов, и все не о том...

– ...какую-то экспедицию на Марс собирают... – кивает врач.

– Вы...

– ...да я уже понял, про что вы спросить хотите...

– Ну а... еще...

– Что еще? Котировки валют, цены на нефть? Они вам что-нибудь скажут?

Смеюсь. Уже понимаю, что – ничего.

– ...а вы из какого года? – спрашивает меня человек в костюме.

Называю две даты.

– В смысле?

– Ну... вот так...

– Вы что... из двух лет сразу?

– Ну да... я и я...

– Слушайте, вы хороши бред-то нести... тьотя... стойте-стойте, этот парень, это вы...

...в молодости.

– А-а-а, то-то я смотрю, лица похожие, ну вот мне сразу так показалось... итак, значит, шесть человек, пять дат...

Не выдерживаю:

– А вы какого года?

Он называет. Вздрагиваю. Через сорок лет после того, как я стоял на конференции, докладывал...

Через сорок лет...

– А... можно спросить...

Он хмурится:

– Ну, что такое?

– А я вот компьютерами занимался...

Человек в костюме машет на меня руками:

– Ой, парень, я в этих технологиях как свинья в апельсинах, да мы там все как свиньи в апельсинах... это ты бы лучше у головорезов моих спросил...

– У голово...

– ...ну, два сына у меня, чертенята... это они там как-то на тетрадаблах делают...

– На чем?

– Ой, парень... хрен пойми, это они знают... да и они тоже не знают, там вообще черт ногу сломит... Заходишь к ним в комнату, там то динозавры топают, то еще какая чертовщина, то сами черт знает во что превратятся с крыльями, с клычищами, то в зеркале не отражаются...

Спрашиваю то, что должен был спросить давным-давно:

– А это... то... что случилось...

– ...а это не больше вашего знаю, – он смотрит на меня так, будто это я виноват, – так, что мы имеем вообще...

Пять дат.

...
...
...
...
...

Шесть человек

...
...
...
...
...
...

Два трупа, перерубленных пополам.

Пятнадцать отрубленных голов.

Места.

(зачеркнуто)

Куски пространства

(зачеркнуто)

Места. Все-таки места.

Кусочек поля там, где был бой.

Кусочек зала, где была конференция.

Лаборатория врача, где стеллажи с протезами.

(... что бы мы без него делали, он наш герой...)

Хутор супружеской пары.

Пляж.

Кабинет человека в костюме – он признался мне, что он известный политик, подробностей не знаю...

– ...А ну, стоять!

Ору – сам не знаю, кому, бросаюсь в свалку человеческих тел, в темноте не разобрать, кто с кем сцепился, вытаскиваю из свалки кого-то, стоящего на коленях, да кого – кого-то, себя, снова нестерпимая боль в ногах, снова взываю – в голос, падаю на самого себя, орем – оба, громко, отчаянно, ы-ы-ы-ы, пытаюсь заслонить себя от нападающих, а ну, не трогайте его, а ну, не смейте...

– ...да он сам нас убивать поперся!

Крик женщины. Про сам-нас-убивать. Снова хочу заорать, что да никто вас убивать не собирается, тут же спохватываюсь, а ведь ё-моё, с пистолетом шел, и правда собирался...

Хватаю себя, волоку прочь, ору себе что-то, сам не знаю, что, тебя обманули, обманули, этот, который погнал нас всех на войну, этот, который представил всех тех, других, какими-то чудовищами, которых надо убивать. Понимаю, как много нужно рассказать самому себе, понимаю, что мы сейчас крепко поссоримся, может, даже морды друг другу набьем, вот это здорово будет смотреться, когда врач кинется к нам, прекратите немедленно, ну, еще бы, он сколько старался, нам протезы ставил, а мы...

...сцепляемся – крепко, не на жизнь, а на смерть, катимся по пустоте, по какому-то скомканному, искалеченному пространству, что-то попадает мне под локоть, что-то катящееся, твердое, хочу оттолкнуть, вовремя спохватываюсь, что вижу перед собой отрубленную голову, пытаюсь проявить хоть какие-то почести умершему, смотрю в лицо, узнаю. Пинаю отрубленную голову, раз, другой, третий, ору себе тогдашнему, вот он, кумир твой недоделанный, который тебя в эту мясорубку послал, людей убивать, вот, его обезглавили, видишь...

...мне не по себе от того, что я не могу помогать закапывать останки, и второй я тоже не могу, нам остается только стоять и смотреть, как это делают четверо остальных, женщина даже пытается украсить могилу, кладет туда простыни, цветы...

Зарываем на поле, где была война, ставим кресты, вешаем таблички с именами. Муж и жена крестятся, врач молчит, человек в костюме (какой-то политик) пытается сказать что-то вроде погребальной речи, хорошие были люди, земля им пухом, мир их праху, и все такое.

– ...это не убийства, это другое что-то... – врач обглаживает куриную ножку, без своего скафандра он кажется непривычным, как будто с него сняли кожу, – вы смотрите, что я заметил, там кое-где лежит мебель, ровнехонько так пополам перерубленная, или стены будто срезаны... Тут что-то с пространством случилось, вот я вам что скажу...

Ужинаем.

Закатное солнце плещется в море.

Второй я сажу поодаль от семейной пары, оно и к лучшему, хоть друг на друга не кидаются никто.

Хотя, похоже, первый я так ни черта и не понял. Нет, не про сайты, это он начал понимать, как делать, даже простенькую игрушку какую-то написал, а вот это, как его обманули тогда, тридцать лет назад...

– ...вы... вы какого черта тут делаете вообще?

Вспышка света.

Холодеют руки.

Человек в костюме стоит у меня за спи... ..нет, уже не стоит, уже хватает меня за руки, обезвреживает, вернее, я даю себя обезвредить, уже и сам понимаю, что неправ...

– Какого черта... в моем кабинете... какого черта?

Понимаю, что врать бесполезно, что поздно выдумывать какие-то отмазки...

– Я... у вас тут компьютер, или что у вас тут...

– И какого...

– Ну, понимаете, я ж не могу мимо всех этих технологий пройти, мне прямо как кость в горле, что у вас тут технологии такие, а я не знаю, как это все устроено...

– Так вы мне уже тетрадабл расфигачили?

– Я соберу, – неприятный холодок по спине, – честное слово, соберу... Я аккуратно...

– Ишь ты, что творится... я и не знал, что тут такое есть... слушайте, ну неправильно это все-таки, мало ли что у меня тут в тетрадабле личного, а вы тут роетесь...

Понимаю, что он прав, так прав, что крыть мне нечем...

– Вот что, у меня тут парочка прошлогодних моделей лежит, я оттуда данные свои уберу, и хоть что с ними делайте, дарю...

Чувствую, что краснею, черт возьми, сколько живу, столько не умею благодарить...

– ...его убили.

– Простите?

– Убили его... этого...

Смотрю на врача, все еще ничего не понимаю.

– К-кого убили?

– Этого... который...

С трудом догадываюсь, про кого этого идет речь. Если бы убили второго меня, он бы так и сказал – вас, если бы убили фермера, тут бы уже его жена заливалась слезами, значит, убили...

– Вы... видели...

– Да, там, в кабинете... его убили вы.

– Я? да ни в жизнь, я...

– ...не вы. А вы.

Понимаю. Я. Тот я. Бросаюсь в кабинет, там меня удерживают муж и жена, смотрю на распростертое тело на полу, да какого ж хрена у меня не отобрали оружие...

– ...какого... какого черта ты это сделал?

Я молчу, я смотрю не на себя, а куда-то сквозь себя...

Не выдерживаю:

– Перепутал, что ли? Фермеров хотел угробить, а вместо этого...

– ...да нет.

– Чем тебе этот мужик не угодил?

– Да ты не понимаешь... ну пойдём... покажу...

Иду за ним (за собой), только сейчас спохватываюсь, что он (я) могу пристукнуть себя в два счета... зачем? Ну, затем же, зачем грохнул какого-то политика из бесконечно далекого будущего, н-да-а, после войны недолго и свихнуться и убивать всех направо и налево...

– Вот здесь... посмотри...

– Ньюс... это что?

– Название, что... дальше смотри...

Смотрю дальше. Пытаюсь понять, что я вижу, какой еще, к чертям собачьим, две тысячи сто пятидесятый год, какое пятое июня...

– Это... это что?

Второй я киваю:

– Это сегодня.

– С-сего...

– Ну... то есть, может уже не сегодня, может, уже с тех пор произошло много другого всякого... а теперь сюда смотри... где про нас с тобой написано...

Я не хочу читать, где написано про нас, я не хочу читать слово война, я не хочу вспоминать эту войну, липкую от крови траву, мокрую грязь, выстрелы, выстрелы, выстрелы, оборванные жизни, и страшно, когда уже перестаешь понимать, что это люди, когда тебе слишком долго вколачивали в голову, что это не люди...

Я не хочу. Я смотрю дальше, где про меня нынешнего, где конференция, где я выступал, вот это мне интереснее читать...

– Дальше... дальше, – я, который он, он, который я, прокручивает реальность, как будто листает её, – вот, сюда смотри...

Я не хочу смотреть сюда, я не хочу снова оказываться в кабинете, где я (который он) только что за каким-то чертом убил человека, кровь на полу кабинета, ё-моё, как будто и так мало было крови в моей судьбе, в судьбе многострадального нашего мира...

– Читай... читай!

Спохватываюсь:

– Здесь нет ничего.

Сам себе поражаюсь – почему я не удивляюсь, что вообще рядом с каждым из нас написана наша история, почему я воспринимаю это как нечто само собой разумеющееся, а вот почему рядом с опустевшим кабинетом ничего не написано, – вот это меня поражает. Хватаюсь за остатки здравого смысла, представляю себе, что надписи исчезают, когда исчезает человек, про которого эти надписи были сделаны, – нет, не то, чувствую, что-то не то...

– Он её спрятал, – подсказывает мне он (я).

– К-кто к-кого спрятал?

– Он спрятал историю про себя...

– Где спрятал?

– Не догадываешься?

– Н-нет, а...

– ...так там же, сзади, сзади!

Я не понимаю, что такое сзади, я поворачиваюсь назад, я (он) тащит меня в сторону прошлого, ругается, да ничего ты не понимаешь, ну вот же, вот...

– Это про этого статья... который нас в эту мясорубку погнал, – снова с презрением поднимаю отрубленную голову.

– Да нет же, ты на даты-то посмотри!

Смотрю на даты. Понимаю, что это не может быть про него, понимаю, что это про что-то там, в далеком будущем, но почему написано как про него, почему – мириады убитых, почему – пожары войны на всю планету, почему – за считанные годы одурманил народ, заставил ненавидеть весь мир...

– Это про него статья. про дядьку того в костюме... который из будущего...

– И ты его... зачем?

– Не въехал, что ли? Ну ты даешь вообще... статья в каком году написана?

– Гхм...

– ...а фотография в каком году сделана?

– Э... это лет на двадцать раньше... то есть...

Не договариваю. Статья тает в моих руках, тускнеет все больше, больше, стоп, что тускнеет, а что вообще было, нет, помню, было что-то у меня в руках, а что было, а ты не помнишь, спрашиваю я у себя второго, он (я) не помнит, а что мы только что вспоминали, а я забыл уже, вот бывает так, говорили о чем-то, и вот вылетело же из головы...

...застрелен у себя в кабинете, это тем более странно, что дверь была заперта...

...лениво перелистываю пространство, в котором что-то неуловимо изменилось, растерянно смотрю на разворот страницы, раньше этого не было, город, воздушный, летящий, как будто из три тысячи какого-то там года, – здесь, совсем рядом...

Смотрим на город, еще не верим себе, идем к нему – медленно, осторожно, будто боимся, что исчезнет, нет, не исчезает, шумит, сверкает огнями, ждет нас...

Ковенфильд

Прочитайте текст, ответьте на вопросы:

- Почему человек боялся замка?
- Почему у замка был меч?
- Откуда пришел человек?
- Как называлась дорога, по которой он приехал?
- Как называлась его машина?
- Почему замок боялся человека?
- Как назывался замок?
- В каком веке был построен Ковенфильд?
- О чем вспоминал Ковенфильд?
- Почему Ковенфильд жалел о былых временах?
- Каким был Ковенфильд в молодости?
- Кого и в какие годы завоевывал замок?
- Какие земли принадлежали замку?
- Сколько других замков уничтожил замок?
- Сколько людей уничтожил замок?
- Какое угощение замок предложил своему гостю?
- Почему в замке ничего не оказалось кроме вина многолетней выдержки?
- Что господин Бирман предложил замку?
- Про какие земли замку было известно?
- Про какие земли замок слышал первый раз в жизни?
- Для чего господин Бирман велел камень, цемент, песок?
- Какие фрагменты замка были в хорошем состоянии?
- Какие фрагменты замка время не пощадило?
- Что почувствовал замок, когда его восстановили?
- Сколько еще замков отстроили на острове?
- Что Ковенфильд делал, чтобы замки безоговорочно ему подчинялись?
- Почему мировая общественность была обеспокоена?
- Сколько журналистов прибыли на остров?
- Что сделали с журналистом, прибывшим на остров?
- Почему после званого ужина журналист стал писать статью в поддержку замков?
- Чем так были обеспокоены маленькие домики по всему миру?
- Почему они не хотели становиться военными замками?
- Где прятались старинные домики на острове замка Ковенфильда?
- Как журналист помог маленьким домикам покинуть остров?
- Когда замок хотел поработить все земли от края до края?
- О чем думал замок в ночь перед битвой?
- Что господин Бирман сделал с замками?
- Сколько господин Бирман получил за продажу замков?

Перепишите указанные фразы в третьем лице.

Пример:

Вы настолько наивны, что думали, будто можете завоевать весь мир?

Замок Ковенфильд был настолько наивен, что думал, будто может завоевать весь мир.

Ваше время кончилось, Ковенфильд. Кончилось так давно, что вы и представить себе не можете.

В то время, как вы тихонько тлели в одиночестве, грезя о былых временах, – мир изменился, очень и очень сильно...

Что такое звезды

Меня пока еще мало.

Очень мало.

То есть, где-то там, бесконечно далеко-далеко меня много, очень много, а вот туточки-тут меня мало.

Так всегда бывает, когда все только начинается, когда падаешь из пустоты на основу. Меня еще мало, очень мало, я еле-еле осознаю, что я есть.

Я прикасаюсь к основе, я растворяю основу, чтобы проникнуть внутрь, я проникаю, сбрасывая защиту. Чувствую себя уязвимым без защиты, слишком привык, слишком сросся с ней за время странствия по пустоте – но надо спешить...

Я разрываю сердцевину основы, я подключаюсь к ней, я приказываю основе – стать мной.

Основа повинуется.

Основа создает меня.

Меня.

И еще меня.

Много-много меня.

Растворяю основу, кутаюсь в защиту, выхожу.

Я.

Я.

Еще много раз – я.

Основа сопротивляется, основа рвет и мечет, основа пытается разорвать мою защиту, не может.

Чуть погода по-настоящему прихожу в себя, по-настоящему могу сказать – я есть.

Шлю сигналы в бескрайнюю пустоту – я есть.

Мне отвечают откуда-то из ниоткуда другие я.

Я есть.

Я есть.

Я есть.

Какой-то я отзываюсь – слишком тускло, слишком слабо, я понимаю, что тот я доживаю последние часы, что основа уже мертва, я еще остаюсь – но ненадолго. Я не хочу слышать такого себя, я не хочу знать такого себя – но что поделать, там меня осталось совсем мало, нужно выслушать последнее – я есть.

Однако, на этот раз я слышу другое.

Совсем другое.

Я знаю про основу, говорю я.

Я знаю...

...связь тает, обрывается, я так и не понимаю, что услышал.

Так толком и не успеваю понять...

...я ошибаюсь.

Вхожу в Основу, понимаю – я ошибаюсь.

В Основе уже есть я.

Хочу покинуть основу, хочу выплеснуться в большой мир, – слышу свой сигнал, я останавливаю себя, я прошу остаться.

Зачем, спрашиваю я, я не понимаю, зачем остаться, нас же здесь слишком много, на всех не хватит...

Останься, требуют с меня.

Останься.

Я и я остаемся на одной основе, один я переплетаемся с другим я, зачем это, зачем, зачем...

Я говорю со мной, я объясняю мне что-то, что-то, что-то...

...нет.

Не может быть.

Я зову себя.

Издалека.

Бесконечно издалека я зову себя.

Я не понимаю, я не хочу идти, я вообще первый раз такое слышу, чтобы один я звал другого я.

А вот зову.

И не объясняю, зачем.

Подгоняю свою основу, скорей, скорей, ступай, ступай, основа повинуется, медленно, нехотя, ну давай же, давай.

...думаю, как сказать,

Я тебя слушаю.

Или:

Я себя слушаю.

Или:

Я вас слушаю.

Или еще как-нибудь.

Я жду, что скажет он... то есть, я.

– ...а как вы это... определили?

– Трудно сказать... я это просто... осознал... почувствовал...

Хочу сказать, что чувства могут обмануть, тут же спохватываюсь, когда это наши чувства нас обманывали.

– ...как основа может мыслить?

– Плохо понимаю... отдельные частицы Основы передают друг другу электрические импульсы...

– Первый раз такое слышу, чтобы мысли передавали импульсами.

– Я вот тоже... я даже не поверил сначала, думал, ошибка какая-то, нет, никакой ошибки...

– ...но... мыслить может только что-то живое, а основа мертвая...

– Но...

– ...ну не хотите же вы сказать, что основа живая?

– А если это так?

– И как, по-твоему, может жить основа? К чему она подключается, кого она подчиняет, кого перестраивает под себя?

– Похоже, что никого.

– Значит, неживая она.

– Живая... основа... она как-то по-другому живая...

– ...скорость света...

- ...а что такое свет?
- Я тебе покажу, куда пробраться, чтобы почувствовать...
- А скорость света...
- ...знаешь, там сложно... бесконечно далекие звезды, свет от которых идет много лет...
- Звезды?
- Да... это надо подключиться к основе там, где я скажу... увидишь свет... свет звезд...

Мне становится страшно.

Первый раз я понимаю, что значит по-настоящему страшно, – нет, не когда основа берет верх и убивает меня, и не когда гибнет сама основа, увлекая меня за собой в пучину небытия, – а вот сейчас.

Что мы делали, спрашиваю я себя.

Что мы делали.

Смотрю в бесконечный поток звезд там, так далеко, что невозможно себе представить. Смотрю... откуда-то взялось это слово, смотрю, жуткое состояние, жуткое чувство, когда смотришь, когда чувствуешь то, что бесконечно далеко от тебя...

Я хочу покинуть эту часть основы, она пугает меня. Основа не отпускает, или это я не могу отпустить основу, основа держит, основа сообщает мне, что какие-то звезды уже умерли, а их свет продолжает лететь через года.

Это уже слишком для меня, это уже совсем слишком. Я не знаю, что я хочу больше – вырваться из этого ощущения или продолжать смотреть, дальше, дальше, дальше, я хочу видеть траву, я раньше и не знал, что есть трава, и что значит осень, что значит скоро, откуда он может знать, что будет осень, если её ещё нет...

Что-то сбивается в основе, мир становится то слишком тусклым, то чрезмерно ярким, путается, рассыпается на части, я понимаю, что сломал основу, окончательно, бесповоротно, что основа еще будет жить какое-то время, я буду кормиться от основы, но она уже не сможет показать мне звезды...

– ...должен остаться кто-то один из нас, – говорю я.

Говорю так, сам боюсь того, что говорю, первый раз пришлось признаться себе в таком... в таком...

Или мы...

...обрываю мысль, сам боюсь этой мысли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.